

В Е С Ь Р О Л Л И Н С

Р Д Ж Е Й М С
Р О Л Л И Н С

Ч Е Р Н Ы Й О Р Д Е Н

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс
Черный орден

«ЭКСМО»

2006

Роллинс Д.

Черный орден / Д. Роллинс — «Эксмо», 2006 — (Отряд «Сигма»)

От скованных льдом вершин Гималаев до узких улиц Копенгагена, от подземных лабораторий минувшего века до великолепных залов Смитсоновского института – повсюду разбросаны подсказки к разгадке великой тайны. Тайны происхождения жизни, зашифрованной еще в древних рунах... А начинается все в затерянном тибетском монастыре, где люди гибнут от непонятной болезни. В Тибет вылетает вертолет с врачами, но параллельно с ними движется некий загадочный человек, которому отдан приказ уничтожить всех! Новый супербестселлер, новые захватывающие приключения от автора «Пирамиды», «Амазонии» и «Песчаного дьявола».

© Роллинс Д., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Историческая справка	5
Научная справка	6
Пролог	7
Часть первая	15
1	15
2	31
3	49
4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джеймс Роллинс

Черный орден

Дэвиду, с благодарностью за все наши приключения

Историческая справка

В последние месяцы войны и сразу после падения Германии между странами антифашистской коалиции развязалась новая война, на этот раз за научные открытия и технологии нацистских ученых. В безудержной гонке между британцами, американцами, французами и русскими были захвачены патенты на вакуумные трубки, новые химикаты, пластические массы и даже на способ пастеризации молока с помощью ультрафиолетового излучения. И все же многие наиболее ценные открытия и разработки – такие, как, например, «Фау-2», – бесследно исчезли в недрах засекреченных проектов, для работы над которыми в Соединенные Штаты Америки были тайно переправлены сотни специалистов по ракетной технике.

Однако и гитлеровцы не собирались так просто расставаться со своими технологиями. В надежде на возрождение рейха они делали все, чтобы сохранить их в тайне: уничтожали специалистов, взрывали лаборатории, а чертежи прятали в пещерах, топили в озерах и замуровывали в тайниках, лишь бы не отдавать победителям.

На территории Германии, Австрии, Чехословакии и Польши находились сотни секретных нацистских исследовательских лабораторий, зачастую подземных, по созданию нового оружия. Один из самых таинственных научных центров находился в переоборудованном горном руднике неподалеку от небольшого города Бреслау. Здесь велись работы под кодовым названием «Die Glocke» – «Колокол». От жителей близлежащих деревень поступали зловещие сообщения о странных огнях, таинственных болезнях и необъяснимых смертях.

Русские войска взяли Бреслау, первыми достигли рудника и обнаружили, что нацистские лаборатории пусты, а шестьдесят два человека, работавших над проектом, убиты. Что касается самого загадочного устройства, то оно исчезло без следа.

Наверняка известно только одно: Колокол существовал в действительности.

Научная справка

Жизнь богаче и удивительнее любого вымысла. Все дискуссии о квантовой механике, разумном творении и эволюции, приведенные в книге, основаны на фактах.

Общеизвестно, что эволюция является стеновым хребтом биологии. Таким образом, биология занимает особое положение как наука, опирающаяся на недоказанную теорию. Так что же она тогда – наука или верование?

Чарлз Дарвин

Наука без религии убога, религия без науки слепа.

Альберт Эйнштейн

Кто сказал, что я не облечен особым Господним покровительством?

Адольф Гитлер

Пролог 1945

4 мая 1945 года, 6 часов 22 минуты

Город-крепость Бреслау, Польша

По промозглому канализационному коллектору в потоке сточных вод плыл труп. На распухшем и обглоданном крысами теле не осталось ни ботинок, ни брюк, ни рубашки – в осажденном городе ничего не пропадало зря.

Обергруппенфюрер СС Якоб Спорренберг оттолкнул мертвеца, и по зловонной жиже пошли круги. Падаль и экскременты. Кровь и желчь. От смрада не спасал даже влажный шарф, повязанный вокруг носа и рта. Вот чем закончилась великая война: вчерашние хозяева жизни вынуждены спасаться бегством по смердящей городской клоаке!.. Но приказ есть приказ.

Сверху раскатисто грохотало: русская артиллерия подвергала город усиленному обстрелу. Каждый взрыв оглушал, как удар под дых. Русские прорвали линию обороны, разбомбили аэропорт и теперь дробили уличную брусчатку гусеницами танков, а на Кайзерштрассе приземлялись тяжелые транспортные самолеты. Главная водная артерия города стала местом высадки десанта. Ряды бочек с горящей соляжкой коптели и без того дымное предрассветное небо и затмевали занимавшуюся зарю. Улицы превратились в огневые рубежи, в домах – от чердака до подвала – кипел бой.

«Каждый дом – крепость».

Таков был последний приказ гауляйтера Ханке населению города. Бреслау должен стоять до конца. От него зависит будущее Третьего рейха... От Бреслау и от Якоба Спорренберга.

– *Mach schnell!*¹ – отрывисто поторопил Якоб вереницу людей.

Солдаты из *Sicherheitsdienst*, специального десантно-диверсионного отряда, отвечавшего за эвакуацию, по колено в зловонной воде шлепали за командиром. Четырнадцать вооруженных до зубов молодчиков в черной форме, с тяжелыми тюками за спиной. В середине шеренги четверо самых дюжих мужчин, бывшие докеры с *Nordsee*², несли на плечах громоздкие ящики, закрепленные на шестах.

Русские не случайно нанесли массированный удар по городу в глубине Судетских гор, между Германией и Польшей. Фортификационные сооружения Бреслау преграждали доступ к высокогорному району. Здесь за последние два года подневольные рабочие из концентрационного лагеря Гросс-Розен проложили сотни километров туннелей. Их дробили взрывчаткой и рыли руками, а все для того, чтобы скрыть от государств – членов антифашистской коалиции один-единственный строго засекреченный проект.

«*Die Riese*» – «Гигант».

Между тем по округе поползли зловещие слухи. Быть может, один из жителей деревни у Венцесласского рудника проговорился соседям о внезапной загадочной хвори, поразившей даже тех, кто жил вдали от секретного объекта.

Вот если бы ученым хватило времени на то, чтобы закончить эксперимент...

У Якоба Спорренберга не лежала душа к порученной миссии. Пусть ему не известны все детали секретного проекта под кодовым названием «Хронос», но он видел трупы под-

¹ Прибавить шагу! (нем.)

² Северное море (нем.).

опытных людей и слышал душераздирающие крики. Леденящие кровь воспоминания вызывали отвращение. Одним словом, мерзость.

Якоб без колебаний казнил ученых. Каждого из шестидесяти двух мужчин и женщин вывели из шахты и методично прикончили двумя выстрелами в голову. Никто не должен узнать о том, что творилось в глубинах Венцесласского рудника и какие открытия там совершали. Лишь одному исследователю была дарована жизнь.

Доктору Толе Хиршфельд.

Эту женщину, со связанными за спиной руками, почти силой тащил один из солдат. Очень высокая, лет тридцати, с небольшой грудью, гибкой талией и стройными ногами. Прямые черные волосы подчеркивали молочный цвет кожи, побледневшей из-за долгих месяцев пребывания в подземелье. Если бы не отец, Толу расстреляли бы вместе со всеми. Нечистая кровь Oberarbeitsleiter, руководителя проекта Гуго Хиршфельда, в конце концов дала о себе знать. Недаром он был наполовину еврей.

Гуго хотел уничтожить папки с лабораторными записями, но был ранен одним из охранников. А отчаянная попытка подорвать бункер зажигательной бомбой закончилась для Хиршфельда смертью. На счастье Толы, для продолжения исследований нужен был человек, посвященный в детали проекта «Die Glocke».

Тола не только унаследовала талант отца, но и полностью владела информацией по секретному эксперименту. Правда, без уговоров не обошлось.

Всякий раз, когда Якоб смотрел на Толу, та в ответ обжигала его взглядом, полным ненависти, словно жаром из открытой печи. И все же ей, как и отцу, придется сотрудничать с нацистами. Якоб умел обращаться с Juden³, особенно с полукровками. Mischlinge, полукровки, хуже всех. В войсках рейха насчитывалось несколько сотен тысяч солдат-евреев. Иногда нацистский закон разрешал людям со смешанной кровью в обмен на жизнь служить в армии. Для этого требовалось специальное дозволение. Mischlinge так стремились доказать, что преданность рейху превышает родовые корни, что зачастую становились самыми безжалостными солдатами.

А Якоб им все-таки не верил. Отец Толы лишний раз подтвердил справедливость его подозрений. Попытка саботажа, совершенная Гуго Хиршфельдом, не удивила Якоба: Juden нельзя доверять – их нужно истреблять.

Однако охранные документы Гуго Хиршфельда подписал сам Гитлер, даровав привилегии не только отцу с дочерью, но и престарелым родителям ученого, которые жили в германской глубинке. Пусть Якоб презирал Mischlinge, зато он всем сердцем был предан фюреру. Полученный Спорренбергом секретный приказ предписывал эвакуировать из шахты необходимые для продолжения работ ресурсы, а все остальное уничтожить.

Значит, он обязан сохранить жизнь Толы Хиршфельд.

И ребенка.

Новорожденного еврейского мальчика запеленали и увязали в тюк. Младенцу дали легкое успокоительное, чтобы молчал во время отступления.

Именно в присутствии этого ребенка таился источник отвращения обергруппенфюрера. Все надежды Третьего рейха в одночасье оказались в крошечных ручонках еврейского младенца. При одной мысли об этом Якоба душила желчь. Поднять бы мальчика на штык, и дело с концом. Однако приказ есть приказ.

Якоб видел, как смотрела на дитя Тола. В ее взгляде горячая любовь мешалась со скорбью. Женщина согласилась сотрудничать с нацистами только ради спасения малыша. Лишь угроза его жизни заставила ее смириться с условиями Якоба.

³ Евреи (нем.).

Мощный залп минометного огня, заглушив остальные звуки мира, швырнул беглецов на колени. Бетонный свод над головой треснул, в зловонную воду посыпалась пыль.

Чертыхнувшись, Якоб поднялся. К нему подошел его заместитель, Оскар Хенрикс, и указал на боковое ответвление коллектора.

– Свернем в тот туннель, обергруппенфюрер? Это часть ливневой канализации. Судя по карте, главный дождевой водосток выходит в реку неподалеку от Соборного острова.

Якоб удовлетворенно кивнул: две замаскированные канонерские лодки, укомплектованные экипажами из диверсионного отряда, ждали их в укрытии рядом с островом.

Процессия двигалась под аккомпанемент нарастающей канонады русских орудий. Артподготовка возобновилась с удвоенной силой, предвещающей близкий штурм. Падение города-крепости неотвратимо приближалось.

Дойдя до бокового туннеля, Якоб выбрался из отвратительной жижи на бетонный бортик перепускного канала. Ботинки чавкали при каждом шаге, смрад илистого осадка стал еще омерзительнее, словно клоака решила доконать людей.

Якоб посветил фонариком в ответвление водостока и, воспрянув духом, шагнул за лучом. Спасение близко, миссия почти выполнена. Не успеют русские добраться до крысиных лабиринтов Венцеславского рудника, как отряд будет уже на полпути к Силезии. Обергруппенфюрер подготовил врагам теплый прием: установил в лабораторных коридорах мины-ловушки. Русские и их союзники не найдут в горах ничего, кроме смерти.

Теша себя этой злорадной мыслью, Якоб поспешил навстречу дуновению свежего воздуха. Цель близка.

Словно почувствовав напряженность момента, ребенок жалобно заплакал. Действие снотворного закончилось. Якоб предупредил медика, чтобы тот не перестарался с лекарством: не хватило духу подвергать риску жизнь ребенка. Может быть, и зря...

Малыш заплакал громче. На севере прогремел сильный взрыв, и детский плач перешел в крик. Громкое эхо разносилось по каменной глотке туннеля.

– Уйми ребенка! – приказал Якоб солдату, тащившему малыша.

Мертвенно-бледный, тощий как палка солдат неловко сдернул с плеча сверток, уронив при этом черный берет, и попробовал ослабить пеленки. Однако крики стали еще громче.

– Позвольте мне! – взмолилась Тола, вырываясь из рук солдата, державшего ее за локоть. – Ребенку нужна я.

Солдат с младенцем глянул на Якоба. Мир наверху погрузился в тишину, а в туннеле не смолкал пронзительный детский плач. Обергруппенфюрер досадливо кивнул.

Веревки на запястьях Толы разрезали. Размяв затекшие пальцы, чтобы восстановить кровообращение, она протянула руки к ребенку, и солдат с облегчением избавился от ноши. Тола приняла дитя на согнутую руку, поддерживая его головку и любовно покачивая. Извечные баюкающие звуки без слов, полные любви и покоя, сплелись с детским голоском.казалось, женщина с ребенком стали единым целым, и плач мало-помалу превратился в еле слышный писк.

Якоб удовлетворенно кивнул охраннику. Тот ткнул стволом «люгера» в спину Толы, и в наступившей тишине отряд продолжил путь по подземному лабиринту Бреслау.

Вскоре запах дыма взял верх над смрадом канализации. Луч электрического фонаря осветил дымовую завесу у выхода из ливневого коллектора. Артиллерийские орудия умолкли, но непрерывные автоматные очереди не затихали, в особенности на востоке. Где-то совсем близко плескались волны реки.

Якоб знаком велел солдатам подождать в туннеле, а радиста поманил к выходу:

– Поддай сигнал катерам.

Деловито кивнув, тот бегом скрылся в дымной мгле. Очень скоро вспышки света унесли зашифрованное сообщение на соседний остров. Катерам нужно всего несколько минут, чтобы пересечь канал и подойти к берегу.

Якоб обернулся к Толе. Женщина мирно баюкала ребенка. Малыш успокоился и закрыл глазки.

Тола смело встретила взгляд Якоба.

– Вы знаете, что отец был прав. Я вижу это по вашему лицу, – со спокойной уверенностью произнесла она и посмотрела на тяжелые ящики. – Наши исследования... зашли слишком далеко.

– Решения принимаем не мы, – ответил Якоб.

– Если не мы, то кто же?

Обергруппенфюрер покачал головой. Рейхсфюрер Генрих Гиммлер лично отдавал приказ Якобу. Подчиненные не задают вопросов высокому начальству.

– Мы преступили законы Бога и природы, – прошептала женщина.

Подоспевший связист избавил Якоба от необходимости отвечать.

– Катера на подходе, – доложил солдат.

Якоб отрывисто отдал последние команды, построил отряд и повел его к выходу из туннеля на крутой берег Одры. На востоке забрезжил рассвет, но густая, непроницаемая пелена черного дыма по-прежнему висела низко над водой, резко очертив контур реки. Дым послужит беглецам хорошим прикрытием.

Надолго ли его хватит?

Вырвавшись из смрада канализации, Якоб сорвал с лица влажный шарф и, глубоко вдохнув живительный воздух, окинул взглядом свинцовую воду. Два двадцатифутовых катера, мерно урча моторами, разрезали речную гладь. У каждого из них на носу, едва прикрытые зелеными полотнищами просмоленной парусины, торчали пулеметы MG-42.

Позади катеров смутно угадывалась темная масса Соборного острова. На самом деле он давно перестал быть островом. Еще в девятнадцатом веке многолетние наслоения речного ила соединили одну его оконечность с городом. К другому берегу протянулся изумрудно-зеленый чугунный мост, такой же старинный.

Взгляд Якоба привлекло сияние шпилей одного из полудюжины храмов. Узкий луч солнца осветил высокие парные башни кафедрального собора, давшего название бывшему острову.

В ушах эхом звучали слова Толы Хиршфельд: «Мы преступили законы Бога и природы». Утренний холодок заполз под промокшую одежду, и продрогший обергруппенфюрер поежился. Скорей бы убраться отсюда подальше, забыть все ужасы последних дней!

Первый катер достиг берега. Якоб, довольный, что его отвлекли от мрачных мыслей, а еще больше тем, что нужно действовать, приказал солдатам грузиться на борт.

Тола с ребенком на руках стояла в стороне, рядом дежурил охранник. Взгляд женщины тоже приковали к себе сияющие шпили в закопченных небесах. Бесперывная канонада и рев подползающих танков становились все ближе. Общий шум то тут, то там разрезали плач и крики.

Где тот Бог, чьи законы она боится преступить? Здесь его уж точно нет.

Когда команда поднялась на борт, Якоб обратился к Толе:

– Пройдите на катер.

Он хотел, чтобы приказ прозвучал жестко, но лицо женщины отчего-то смягчилось. Тола покорно зашагала к реке, не сводя глаз с собора, а мыслями уносясь еще выше, в небеса.

Якоб вдруг разглядел, какая она, оказывается, красивая, эта полукровка. Внезапно женщина задела носком туфли трап, покачнулась, но, оберегая ребенка, сумела сохранить рав-

новесие. Тола вернулась к действительности, к свинцовым водам и черной пелене дыма, и ее лицо посуровело, застыло, даже глаза потускнели.

Она опустилась на скамейку у правого борта. Охранник не отходил от женщины ни на шаг. Якоб сел напротив и дал знак рулевому отчаливать.

Опаздывать нельзя.

Катера взяли курс на запад, прочь от Восточного фронта, прочь от восходящего солнца.

Якоб посмотрел на часы: на секретном аэродроме в десяти километрах от города их должен ждать транспортный «Ю-52». Чтобы избежать нападения противника, самолет замаскировали под санитарный – на фюзеляже нарисовали красный крест.

Катера вышли на фарватер, моторы застучали веселее. Теперь русским не догнать отряд. Операция закончена.

В этот миг внимание обергруппенфюрера привлекло движение у правого борта.

Тола наклонилась к ребенку, нежно поцеловала легкие светлые волосики на макушке и встретила взглядом с Якобом. Он не прочел в глазах женщины ни вызова, ни гнева, только решимость.

И, мгновенно догадавшись, что сейчас произойдет, крикнул:

– Нет!

Слишком поздно.

Резко встав, Тола перегнулась через низкий борт и, прижав ребенка к груди, упала спиной в холодную реку.

Оторопевший от неожиданности охранник дернулся и наобум выстрелил в воду. Якоб бросился к нему и резко ударил снизу по руке:

– Не попади в ребенка!

Солдаты вскочили на ноги, накренив катер, но так и не высмотрели в свинцовой мути ничего, кроме собственного отражения. Якоб лихорадочно искал в воде предательские воздушные пузыри, однако тяжело нагруженная лодка вспенила речную гладь. Обергруппенфюрер в ярости стукнул кулаком по бортовому ограждению.

Каков отец, такова и дочь...

Только Mischlinge способны на такие дикие поступки. Обергруппенфюрер и прежде не раз видел, как еврейские матери душили собственных детей, чтобы избавить их от больших мучений.

Катер кружил на месте, пока Якоб не понял, что поиски напрасны. Солдаты обшарили оба берега, но Тола как сквозь землю провалилась. Свист снарядов над головой отбил желание продолжать поиски.

Якоб приказал солдатам подняться на борт и махнул рукой на запад, в сторону ожидающего самолета. В конце концов, ящики с оборудованием и все лабораторные записи спасены. Как ни досадна допущенная оплошность, ее можно исправить. Где есть один ребенок, там будет и другой.

– Вперед!

Два катера взяли курс на запад и через несколько минут исчезли в дыму пылающего Бреслау.

Тола слышала, что шум моторов стих вдали.

Она вынырнула позади одного из массивных каменных пилонов, что поддерживали древний чугунный мост Соборного острова. Одной рукой женщина все еще зажимала рот ребенку, лишив малыша воздуха, и молилась, чтобы он смог дышать носом. Мальчик сильно ослаб.

Пуля попала Толе в шею. Кровь текла обильно, окрашивая воду в темно-красный цвет. В глазах темнело, но женщина упорно держала ребенка над водой.

Несколько минут назад Тола бросилась в реку, твердо решив умереть вместе с малюткой. Однако когда тело охватил пронизывающий холод, а шею опалило огнем, решимость внезапно исчезла. Перед мысленным взором вновь возникли сверкающие шпили собора. Величие храма, с которым женщину не связывало ни происхождение, ни родовые традиции, напомнило ей о предвечном свете, что сияет за пределами любой тьмы. Там брат не восстает против брата. А матери не топят младенцев!

Тола нырнула глубже, отдавшись воле течения, которое несло ее к мосту. Под водой женщина поддерживала жизнь ребенка, зажав пальцами крохотный носик и вдувая воздух в рот. Минуту назад она хотела умереть, а сейчас пробудившаяся жажда жизни, подобно пожару, все сильнее разгоралась в груди.

У мальчика даже не было имени. Никто не должен умирать безымянным.

Тола ритмично вдувала воздух в рот ребенку – вдох-выдох, вдох-выдох, вслепую сражаясь с течением. Лишь по счастливой случайности ее вынесло к одной из каменных опор моста.

Рана продолжала кровоточить. Тола понимала, что до сих пор жива лишь благодаря спасительному холоду, а вот у хрупкого малыша он отнимал последние силы.

Едва катера скрылись, Тола поплыла к берегу вялыми толчками, борясь со слабостью и нараставшим околечением. Внезапно она ушла под воду, увлекая за собой ребенка.

Нет! Женщина отчаянно пыталась вынырнуть на поверхность...

Неожиданно носки ее туфель коснулись скользких камней дна. Прижимая к груди дитя, Тола на четвереньках выползла из воды и упала ничком на каменистую землю, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Кровь из раны струйкой текла на ребенка. Преодолея слабость, мать снова всмотрелась в малыша.

Ребенок не двигался, не дышал.

Она закрыла глаза и молилась до тех пор, пока тьма вечности не поглотила ее: «Плачь, ради бога, плачь...»

Первым услышал мяуканье отец Варик.

Старик вместе с монахами прятался в винном погребе под собором Святых Петра и Павла. Они прибежали сюда прошлой ночью, когда Бреслау начали бомбить, и коленапреклоненно молили Бога о том, чтобы Тумский остров остался невредим. Церковь, построенная в пятнадцатом столетии, пережила длинную череду хозяев города. Сегодня монахи, как встарь, просили о даровании им божественного покрова и спасения.

Посреди благоговейной тишины братья явственно слышали плач.

Отец Варик поднялся с колен, что потребовало от него немалых усилий.

– Куда вы? – спросил Франц.

– Я слышу, что мое стадо призывает меня, – ответил священник.

Последние двадцать лет он подкармливал обедками бродячих кошек и дворняг, прибавшихся к церкви.

– Не во благовремение ты покидаешь храм, – голосом, полным страха, предостерег его другой брат.

Однако отец Варик прожил слишком долгую жизнь, чтобы бояться смерти с юношеским трепетом. Старик пересек подвал и, пригнув голову, шагнул в низкий коридорчик, что выходил на берег реки. В прежние годы по этому коридору возили на тележках уголь и складывали там, где сейчас покоились в пыли узкие зеленые бутылки.

Отец Варик подошел к угольной двери, убрал засов, отодвинул щеколду и, нажав плечом, отворил скрипучую створку.

Сначала в нос старику ударил едкий дым, потом его взгляд упал вниз, туда, откуда долетало мяуканье.

– Mein Gott im Himmel!⁴

В нескольких шагах от двери, у контрфорса, неподвижно лежала женщина. Старик торопливо подошел к ней и снова упал на колени с молитвой на устах.

Он протянул руку, пытаясь нащупать на шее женщины биение жизни, но нашел только кровь и смерть. Несчастная промокла насквозь и была холодна, как камень.

Мертва.

И снова, совсем рядом, кто-то заплакал.

Склонившись, старик обнаружил под телом женщины окровавленного младенца.

Посиневший от холода и сырости, малютка еще дышал. Старик высвободил его из-под трупа матери, и пеленки сползли с младенца под тяжестью пропитавшей их воды.

Мальчик.

Старик быстро ощупал крохотное тельце и убедился, что ребенок не ранен. Малыша обогрела кровь погибшей матери.

Отец Варик с грустью смотрел на женщину. Как много нынче гибнет людей! Затем он взглянул на противоположный берег: город пылал, в предрассветном небе клубился столб черного дыма, орудия стреляли без перерыва. Неужели несчастная переплыла канал ради спасения ребенка?

– Покойся с миром, ты его заслужила, – прошептал монах и повернул к двери угольного подвала.

Старик обтер с тела ребенка кровь и воду. Ишь, какие мягкие волосики на макушке, белые как снег. Бедняжке, наверное, не больше месяца.

Младенец заплакал громче. Личико сморщилось от напряжения.

– Не плачь, дитя.

Услышав голос, мальчик открыл припухшие глазенки, и отца Варика поразила их сияющая, неземная голубизна. Отец Варик знал, что почти все новорожденные голубоглазы, но что-то подсказывало ему, что глаза найденыша навсегда сохранят цвет небесной лазури.

Старик прижал ребенка к груди, и его внимание привлекло цветное пятнышко. Was ist das?⁵ Он приподнял ножку ребенка и увидел на маленькой пятке символ.

Старик потер пятно пальцем и понял, что это не рисунок.

Татуировка красными чернилами.

Он внимательно рассмотрел ее. Она была похожа на отпечаток вороньей лапы.

В юности отец Варик долго жил в Финляндии, поэтому узнал одну из древнескандинавских рун, вот только не вспомнил, как она называется и что означает. Кто сделал такую глупость?

Священник хмуро поглядел на мать и укоризненно покачал головой. Неважно, сын не отвечает за грехи родителей.

Старик отер с темени мальчика кровь и укрыл малыша краем своей теплой рясы.

⁴ Отец наш небесный (нем.).

⁵ Что это? (нем.)

– Бедный Junge⁶, как неприветливо встретил тебя мир...

⁶ Мальчик (нем.).

Часть первая

1

Крыша мира

Наши дни

16 мая, 6 часов 34 минуты Гималаи, базовый лагерь на Эвересте,

17 600 футов над уровнем моря

На таких ветрах прилетает сама Смерть.

Таски, главный проводник-шерп, вынес вердикт с непоколебимой твердостью, присущей его профессии. Этот коренастый мужчина даже в потертой ковбойской шляпе не дотягивал до пяти футов, а держался, словно самый рослый человек в горах. Глаза, прятавшиеся под прищуренными веками, настойчиво рассматривали хлопающие на ветру молитвенные флаги.

Доктор Лиза Каммингс поймала шерпа в объектив «Никона» и сделала снимок. Таски не только работал проводником, но и согласился стать объектом ее психометрических тестов. Превосходный кандидат для исследований!

Лиза приехала в Непал, получив грант на исследование влияния бескислородных восхождений на физиологию человека. До 1978 года ни один человек не достигал вершины Эвереста без помощи кислородных аппаратов – на больших высотах слишком разреженный воздух. Даже опытные альпинисты, экипированные баллонами с кислородом, жаловались, что их преследует крайнее утомление, двоится в глазах, нарушается координация, а порой доходит до галлюцинаций. Считалось, что подняться на вершину восьмитысячника без запаса кислорода невозможно.

Однако в 1978 году два тирольских альпиниста совершили, казалось бы, невозможное: взойшли на высочайшую вершину мира, полагаясь только на силу собственных легких. В течение нескольких лет, миновавших после этого выдающегося достижения, примерно шестьдесят мужчин и женщин повторили подвиг, указав новую цель для элиты покорителей вершин.

Лиза не могла и мечтать о лучшем стрессовом тесте в условиях низкого атмосферного давления.

Перед самым приездом в Гималаи доктор Лиза Каммингс закончила пятилетнюю работу по влиянию систем высокого давления на физиологические процессы человека. Она обследовала глубоководных ныряльщиков на борту научного судна. Потом обстоятельства – и личные, и профессиональные – сложились так, что ей пришлось переехать. На этот раз она получила новый грант – на проведение прямо противоположного исследования: ей предстояло изучить влияние низких давлений на организм человека.

Так Лиза оказалась на «Крыше мира».

Девушка отошла, чтобы сфотографировать шерпа с другого ракурса. Как и многие соотечественники, Таски взял вместо фамилии название родного племени. Шерп отошел от веревки с молитвенными флагами, утвердительно кивнул головой и указал сигаретой, зажатой между пальцами, на сверкавший в небе пик.

– Плохой сегодня день. На таких ветрах прилетает сама Смерть, – повторил он, сунул сигарету в рот и ушел.

Решение принято и обжалованию не подлежит.

Другие члены группы так не считали, и над партией альпинистов разнеслись возгласы разочарования. Люди поднимали недоумевающие лица к безоблачному небу. Группа из десяти покорителей вершин уже девять дней ожидала благоприятной погоды. Пока никто не возражал против задержки, потому что всю последнюю неделю бушевала буря: погоду испортил циклон, пришедший с Бенгальского залива. На палаточный лагерь обрушились свирепые ветры, чья скорость достигала более сотни миль в час. Они сбивали людей с ног, швыряли в лицо снежные заряды, словно наждаком обдирая неприкрытые участки кожи. Одну из кухонных палаток вообще сдуло.

Наконец настало погостее утро. Яркие солнечные лучи отражались от ледника Кхумбу и замерзшей гривы водопада. Заснеженный Эверест, в окружении безмятежных дочерних вершин, парил в вышине, напоминая свадебную процессию в белых одеждах.

Лиза сделала сотни снимков, пытаясь запечатлеть изменчивое сияние во всей его чарующей красе. Лишь теперь ей стали понятны местные названия Эвереста: Джомолунгма, или, по-китайски, «Божественная мать мира», и Сагарматха, что на непальском диалекте означает «Богиня неба».

Гора действительно царила среди пиков и облаков подобно богине из льда и камня. И люди приходили сюда, дабы поклониться ей и доказать себе, что достойны ее небесного поцелуя. Правда, путешествие стоило недешево: шестьдесят пять тысяч долларов на каждого. В солидную сумму входила стоимость лагерного снаряжения, услуги носильщиков-шерпов и, конечно же, столько яков, сколько понадобится. Красные и желтые крыши палаток придавали лагерю нарядный вид. Пять групп альпинистов заняли скалистый склон, томясь в ожидании: когда же боги непогоды сменят гнев на милость.

И все же главный шерп объявил, что сегодня восхождение не состоится.

– Что за чушь! – вспыхнул менеджер компании по производству спортивных товаров из Бостона. Скрестив руки, он картинно выпятил грудь в новомодном стеганом комбинезоне. – Больше шести тысяч долларов в день за то, чтобы просиживать штаны. Нас надувают! На треклятом небе ни облачка!

Щеголь ворчал себе под нос, словно хотел поднять восстание, но при этом не желал возглавить его.

Лиза хорошо его знала. Личность типа А, от слова «анальный». Теперь, по прошествии времени, она понимала, что спать с ним не стоило. Воспоминание о свидании с менеджером заставило ее поежиться. Все произошло еще в Сиэтле, после организационного собрания группы в отеле «Хайат» и нескольких коктейлей, один из которых был явно лишним. Бостон Боб стал для нее еще одним случайным пристанищем в полосе жизненных бурь, далеко не первым и, возможно, не последним. Одно она решила твердо: сей порт не стоит того, чтобы вновь бросать в нем якорь. Должно быть, именно по этой причине состояние войны между ними затянулось.

Мысленно пожелав младшему брату удачи в подавлении мятежа, Лиза пошла прочь. Джош имел десятилетний опыт восхождений и примерно дважды в год сколачивал группы альпинистов в самых разных уголках мира. Он и помог попасть Лизе в одну из альпинистских партий, которую собирался возглавить при подъеме на Эверест.

Джош Каммингс поднял руку, требуя внимания. Такой же светловолосый и стройный, как сестра, он носил черные джинсы, заправленные в надежные спортивные ботинки, и легкую серую штормовку из термоткани.

– Таски поднимался на Эверест двенадцать раз и хорошо изучил гору и ее норы. Раз он считает, что погода не подходит для восхождения, значит, мы потратим еще один день на акклиматизацию и отработку альпинистских навыков. Желающим могу дать пару проводников для однодневной экскурсии в рододендровый лес в нижней долине Кхумбу.

Кто-то поднял руку.

– А как насчет поездки в отель? Мы торчим в этих треклятых палатках уже шесть дней. Недурно бы принять горячую ванну.

Предложение было поддержано ропотом одобрения.

– Не самая удачная мысль, – возразил Джош. – До отеля целый день пути, а в комнаты там подается воздух, обогащенный кислородом, чтобы снять высотную болезнь. Кислород ослабит вашу акклиматизацию, и восхождение снова придется отложить.

– Как будто мы не откладываем его уже несколько дней! – не унимался Бостон Боб.

Джош оставил его слова без внимания. Лиза знала, что ничто не заставит брата совершить такую глупость, как рискованное восхождение в плохую погоду. Несмотря на сияющие небеса, погода могла измениться в считанные минуты. Лиза с Джошем выросли на острове Каталина, у побережья Южной Калифорнии, и с детства умели читать в безоблачном небе признаки приближающегося ненастья. Возможно, Джош не обладал острым глазом шерпа, чтобы уловить перемену погоды на горных высотах, зато уж точно уважал мнение знатока.

Лиза рассматривала шлейф снега над вершиной Эвереста, поднятый струйным течением. Известно, что порывы высокогорного ветра порой достигают более двухсот миль в час. Несмотря на то что внизу успокоилось, перепад давления по-прежнему сеял разрушение на большой высоте. Струйное течение в любой момент могло вновь поднять над лагерем буран.

– Давайте, по крайней мере, доберемся до лагеря номер один, – настаивал Бостон Боб. – Разобьем палатки и будем ждать хорошей погоды.

Менеджер спортивного магазина раскипятился, покраснел, и в его голосе зазвучали визгливые нотки.

Лиза решительно не могла взять в толк, как он мог вызвать у нее симпатию.

Прежде чем брат успел ответить капризному Бобу, в воздухе раздался мерный шум, напоминающий барабанную дробь. Все взоры обратились на восток. Прямо из сияющей ауры восходящего солнца возник «Сквиррел А-стар Экуриэль» – похожий на шершня спасательный вертолет, сконструированный специально для работы на больших высотах.

Люди умолкли. Неделию назад, перед самым началом снежной бури, по непальскому склону к вершине Эвереста отправилась экспедиция. Последний раз она выходила на связь в лагере номер два, расположенном на двадцать одну тысячу футов выше базового. Лиза глядела на вертолет, козырьком приставив к глазам ладонь. Случилось недоброе?

Ей довелось побывать в клинике Гималайской спасательной ассоциации в Ферише. Там оказывали первую помощь всем, кто пострадал в горах: лечили сломанные ноги, отеки мозга и легких, обморожения, сердечные приступы, дизентерию, снежную слепоту и все виды инфекций, в том числе передающихся половым путем. Кажется, даже хламидиоз и гонорея вознамерились покорить Эверест.

Что стряслось на этот раз? Бригады спасателей работают и в будни, и в праздники. Из-за сильно разреженного воздуха вертолет мог подняться ненамного выше базового лагеря, а это означало, что людям для спасения по воздуху зачастую приходилось самостоятельно спускаться с недоступных высот. Выше двадцати пяти тысяч футов над уровнем моря тела погибших просто оставались там, где их застала смерть. Верхние склоны Эвереста превратились в ледяное кладбище брошенного снаряжения, пустых кислородных контейнеров и мумифицированных морозом трупов.

Высота звука работающих моторов изменилась.

– Летят сюда, – сообщил Джош и знаком велел людям отойти к всесезонным штормовым палаткам, чтобы освободить плоский пятачок, служивший лагерю взлетно-посадочной площадкой.

Черный вертолет снижался, его лопасти взметнули в воздух вихри песка и камешков. Перед самым Лизиным носом пролетела обертка от «Сникерса». Молитвенные флаги тре-

петали и плясали на ветру, яки бросились врассыпную. После долгих дней тишины здесь, в горах, шум винтов показался оглушительным.

С грацией, неожиданной при столь внушительных размерах, вертолет опустился на полозья. Из него вышли двое. Солдат Королевской непальской армии в зеленой камуфляжной форме нес на плече автоматическую винтовку. За ним следовал мужчина с обритой головой, в красной рясе и плаще – буддийский монах.

Гости подошли к шерпам и быстро заговорили на непальском диалекте. После недолгого обмена жестами шерп указал рукой на Лизу.

Монах с кожей цвета кофе с молоком приблизился к ней. Судя по морщинкам в углах светло-карих глаз, ему перевалило за сорок. Молодой солдат топал следом. Он отличался более темной кожей и близко посаженными глазами, неотрывно глядевшими на точку чуть пониже Лизиной шеи. Девушка не застегнула штормовку, и спортивный лифчик, который она носила под флисовым жилетом, приковал к себе внимание солдата.

Буддийский монах, напротив, смотрел на нее с уважением, даже учтиво поклонился, и заговорил на прекрасном английском языке с легким британским акцентом:

– Прошу прощения, доктор Каммингс, но дело не терпит отлагательств. В клинике Гималайской спасательной ассоциации мне сказали, что вы врач.

– Верно, – ответила Лиза, нахмутив брови.

– В ближайшем монастыре вспыхнула таинственная болезнь. Житель соседней деревни три дня добирался пешком до госпиталя в Кхунде, чтобы сообщить о несчастье. Мы хотели сразу же переправить в монастырь одного из врачей клиники, но из-за схода лавины там сейчас не хватает рук. Вот доктор Соренсон и сообщила нам, что в базовом лагере тоже есть врач.

Лиза вспомнила невысокую канадскую докторшу, с которой однажды вечером пила пиво «Карлсберг» и сладкий чай с молоком.

– Чем могу помочь?

– Не согласитесь ли вы слетать с нами в монастырь?

– Как долго?..

Не договорив, Лиза оглянулась на подоспевшего Джоша.

Монах виновато качнул головой, немного смущенный собственной настойчивостью.

– До монастыря почти три часа лёта, и я не знаю, с чем мы там столкнемся.

Он снова озабоченно покачал головой.

– Как будто специально наше восхождение откладывается на целый день... – Джош взял сестру за локоть и придвинулся ближе. – Я полечу с тобой.

Лиза воспротивилась его предложению. Она сама о себе позаботится. Правда, в подробном инструктаже альпинистам много говорили о напряженной политической обстановке в Непале, сложившейся еще до 1996 года. Маоистские мятежники вели в горах партизанскую войну, намереваясь свергнуть конституционную монархию и провозгласить социалистическую республику. Сообщалось, что своим жертвам они одну за другой отсекали конечности крестьянскими серпами. Несмотря на временное перемирие, в Непале по-прежнему отмечали случаи подобного зверства.

Лиза покосилась на хорошо смазанную автоматическую винтовку непальца. Если даже святой человек нуждается в сопровождении военного, возможно, ей все-таки стоит задуматься над предложением брата.

– Я... У меня нет с собой ничего, кроме набора для оказания первой помощи, – запнувшись, предупредила она монаха. – Я не готова к серьезным заболеваниям, а уж тем более к многочисленным жертвам.

Монах с облегчением кивнул, махнув рукой в сторону вертолета, вхолостую вращавшего винтами.

– Доктор Соренсон снабдила нас всем необходимым на первое время. Мы не собираемся злоупотреблять вашей помощью дольше, чем один день. У пилота есть прибор спутниковой связи, чтобы сообщить властям результаты осмотра обитателей монастыря. Может быть, проблема уже разрешилась, и к середине дня мы вернемся в лагерь.

При последних словах по лицу монаха пробежала тень: он сам не верил в то, что говорил. В его голосе сквозила неподдельная тревога, возможно, даже страх.

Лиза глубоко вдохнула разреженный воздух, почти не насыщавший легкие кислородом. Она давала клятву Гиппократу, да и фотоснимков сделано предостаточно. Хотелось заняться настоящей работой.

Монах, видимо, прочел ответ в ее глазах.

– Значит, летите?

– Да.

– Лиза... – начал было Джош.

– Со мной ничего не случится. – Она пожала брату руку. – А ты не позволяй группе бунтовать.

Джош покосился на Бостона Боба и вздохнул.

– Постарайся не сдавать крепость до моего возвращения.

Он снова посмотрел на нее, не переубеждая и не возражая, однако в его взгляде сквозила тревога.

– Будь осторожна.

– Меня охраняет лучший представитель Королевской армии Непала.

Джош взглянул на солдата с винтовкой.

– Это меня и пугает!

Он фыркнул, стараясь иронией смягчить свои слова.

Лиза быстро обняла брата, взяла из палатки свой медицинский рюкзак, поднырнула под лопасти и забралась на заднее сиденье спасательного вертолета.

Пилот даже не взглянул на нее. Солдат уселся на сиденье рядом с летчиком, а монах, назвавшийся именем Анг Гелу, устроился сзади рядом с девушкой.

Вертолет подрагивал на полозьях, пытаясь подняться в разреженный воздух. Лизе вручили пару наушников, и все-таки они не помогли: двигатели оглушительно ревели. Наконец вертолет оторвался от каменистой взлетной площадки.

Пилот заложил вираж, проносясь над ближайшим ущельем, и Лиза почувствовала, как екнуло у нее в животе. Она не отрываясь смотрела в боковое окно на палатки и яков, оставшихся внизу. Лиза заметила брата: Джош поднял руку в прощальном жесте. А может, просто прикрыл глаза от солнца? Рядом стоял шерп Таски, легко узнаваемый в неизменной ковбойской шляпе.

Во время полета в голове у Лизы то и дело звучало последнее предупреждение Таски: «На таких ветрах прилетает сама Смерть».

Не самая утешительная мысль в данных обстоятельствах.

Рядом Анг Гелу истово шевелил губами в беззвучной молитве. Монаха не покидало тревожное напряжение – то ли он не привык летать на вертолете, то ли испытывал страх перед тем, что предстояло увидеть в монастыре.

Лиза откинулась назад и постаралась расслабиться. Однако в ушах все еще эхом звучали слова шерпа.

Верно сказал Таски: плохой сегодня выдался день.

9 часов 13 минут

Высота 22 230 футов

По дну ущелья упругой походкой шел человек. Стальные «кошки» на подошвах глубоко вгрызались в лед. С обеих сторон высились голые скалистые стены, испещренные бурыми лишайниками.

Комбинезон на гагачьем пуху покрывал камуфляжный рисунок из черных и белых пятен. На голове красовался подшлемник из полар-флиса, глаза скрывали защитные очки. Альпинистский рюкзак весил двадцать один килограмм – вместе с ледорубом и мотком троса из полиэфирного волокна. Вооружение состояло из суперсовременной винтовки «хеклер», запасного магазина на двадцать патронов и подсумка с девятью гранатами. Даже на столь значительной высоте мужчина не нуждался в кислородном аппарате.

За сорок четыре года горы стали ему родным домом. Он чувствовал себя здесь так же привольно, как шерпы. Разница была лишь в том, что мужчина не говорил на местном наречии. Глаза (один льдисто-голубой, второй – совершенно белый) выдавали нездешнее происхождение. Именно эта примета выделяла его среди других людей столь же явно, как и татуировка на плече. Даже среди Sonnekcnige – рыцарей Короля-солнца.

В ухе мужчины запищала рация.

– Ты уже в монастыре?

Мужчина коснулся горла.

– Дойду через пятнадцать минут.

– О несчастном случае не должен узнать ни один человек.

– Будет исполнено.

Мужчина говорил ровным голосом, дыша через нос. Он редко бывал в Granitschloss, Гранитном замке, предпочитая жить в отдалении. Его призывали лишь тогда, когда возникала крайняя нужда в том исключительном мастерстве, которым он виртуозно владел.

В наушнике щелкнуло.

– Скоро они будут в монастыре.

Мужчина не потрудился ответить. Он и сам слышал отдаленный шум винтов вертолета и прикинул в уме расстояние. В спешке нет необходимости. Горы научили его терпению.

Он выровнял дыхание и зашагал к группке каменных строений под красными черепичными крышами. Монастырь Темп-Ок примостился на краю отвесной скалы. Снизу к нему вела всего одна тропинка – внешний мир мало интересовался монахами и послушниками. Впрочем, так же, как и они им.

Однако три дня назад все изменилось: произошел несчастный случай, и мужчине, что сейчас подходил к монастырю, поручили произвести зачистку.

Ритмичный гул приближающегося снизу вертолета постепенно нарастал. Мужчина размеренным шагом продолжил путь: времени предостаточно. Пусть прилетевшие первыми войдут в монастырь.

Будет проще убить всех сразу.

9 часов 35 минут

Из иллюминатора мир внизу казался фотографическим негативом, эскизом, построенным на контрасте: черное и белое, снег и камни, окутанные туманом вершины и погруженные в тень ущелья. Утренний свет отражался от заснеженных хребтов и ледяных глыб, резал глаза. Лизе пришлось зажмуриться.

Как можно жить так далеко от привычного мира, в столь суровых природных условиях? Почему люди стремятся к одиночеству, которое даруют затерянные места, когда доступно другое, намного более легкое и приятное существование?

Этот вопрос Лизе частенько задавала ее мать. Пять лет в море на исследовательском судне, потом целый год тренировок, связанных с подготовкой к полной лишений жизни в

горах. Теперь здесь, в Непале, Лиза собирается покорить Эверест. Чего ради так рисковать, если можно спокойно жить, даже не думая об опасностях?

Лиза всегда отвечала просто и кратко: чтобы испытать собственные силы. Не правда ли, похоже на ответ Джорджа Мэллори, легенды альпинистского мира? На вопрос, зачем он покорил Эверест, раздосадованный Мэллори ответил: «А зачем вообще горы?»

Что можно объяснить человеку, который не хочет ничего понимать? Может, и ответ Лизы на расспросы матери – не более чем реакция на раздражение?

Что ты здесь делаешь, Лиза? Жизнь и без того подбрасывает людям немало проблем: как заработать денег, накопить на старость, найти любимого, пережить потери, вырастить детей...

Почувствовав болезненный укол страха, Лиза отогнала от себя тягостные мысли, хотя и догадывалась, что под ними кроется: «Не ищу ли я острых ощущений, чтобы убежать от реальности? Может быть, причина в том, что слишком многие мужчины прошли через мою жизнь, так и не задержавшись в ней?»

К тридцати трем годам она подвела невеселый итог: одиночество вместо семейного счастья, никаких перспектив, кроме исследовательской работы, и одноместный спальник вместо мешка взамен постели. Не лучше ли обрить голову да и уйти в один из горных монастырей?

Вертолет завибрировал и накренился. О черт... Лиза задержала дыхание, когда вертолет, едва не задев полозьями ледяной карниз, нырнул в ближайшее ущелье. Она с трудом заставила себя разжать пальцы, обнаружив, что судорожно вцепилась в подлокотники кресла. Неожиданно домик с тремя спальнями и выводок детишек оказались ей не такой уж скучной перспективой.

Анг Гелу всем телом подался вперед и указал пилоту вниз. Рев двигателей заглушил его слова.

Лиза прижалась щекой к иллюминатору, и вогнутая поверхность плексигласа наградила ледяным поцелуем. Внизу появилось цветное пятно: несколько крыш из красной черепицы. Маленькую коллекцию из восьми сгрудившихся на плато каменных домиков, выглядящих игрушечными, с трех сторон окружали горы высотой в двадцать тысяч футов. С четвертой – скала отвесно уходила вниз.

Монастырь Темп-Ок.

Вертолет стремительно снижался. Лиза заметила склон с картофельными делянками, несколько сараев и загонов для скота. И никакого движения. Никто не вышел поприветствовать шумных гостей.

Еще более зловещее впечатление производили группки коз и голубых горных овец в запертых загонах. Они тоже не двигались. Животные распластались по земле в неестественных позах.

Мертвые!

Анг Гелу тоже заметил безжизненных животных, с вывихнутыми ногами и свернутыми шеями, и вжался в кресло. Что здесь произошло?

На передних сиденьях между солдатом и пилотом завязался спор: летчику явно не хотелось приземляться, но охранник многозначительно положил ладонь на приклад винтовки. Пилот помрачнел и надел на лицо кислородную маску, плотно закрывающую рот и нос. Не потому, что нуждался в кислороде, а, как поняла Лиза, из-за боязни инфекции.

Поля располагались амфитеатром, ряды низеньких зеленых ростков отмечали его ярусы. В начале девятнадцатого столетия британцы положили начало выращиванию в условиях высокогорья картофеля, который теперь стал неотъемлемой частью местного натурального хозяйства. Вертолет заскрежетал полозьями по каменистой почве и проехал по грядке с растениями. Оставшиеся нетронутыми ближние кустики испуганно затрепетали в вихре, поднятом винтами.

Никто не вышел из монастыря и на этот раз. Некому было поприветствовать неожиданных гостей. Лиза вспомнила мертвый скот. Что погубило животных? Остался ли здесь хоть кто-нибудь, кого еще можно спасти? Она мысленно перебирала названия различных инфекций и возможные пути их проникновения в монастырь: с пищей, по воздуху, при прямом контакте. Заразна ли болезнь? Срочно нужно все разузнать.

– Пожалуй, вам лучше остаться в кабине, – сказал Анг Гелу, отстегивая ремень безопасности. – А мы для начала осмотрим монастырь.

Лиза подняла с пола медицинскую сумку.

– Я не боюсь заразиться. К тому же могут возникнуть вопросы, на которые сумеет ответить только врач.

Анг Гелу кивнул, быстро переговорил с солдатом и открыл задний люк. Выйдя из вертолета, монах обернулся и учтиво подал Лизе руку.

Вместе с шумом лопастей вертолета в кабину ворвался студеный ветер. Натянув на голову капюшон парки, Лиза вздохнула и обнаружила, что ледяной сквозняк как будто вытянул из воздуха последние остатки кислорода. Может быть, всему виной ее страх? На словах Лиза храбрилась, однако в глубине души не могла избавиться от дурных предчувствий.

Она оперлась на руку монаха и даже сквозь шерстяные перчатки почувствовала исходящие от него силу и тепло. Анг Гелу ничем не прикрыл свою бритую голову, словно не замечая пронизывающего холода.

Девушка ступила на землю и остановилась, пригнувшись, под вращающимися лопастями. Последним вылез солдат. Пилот остался в кабине. Он посадил вертолет там, где ему приказали, но и не думал выходить.

Анг Гелу захлопнул люк, и все трое поспешили через картофельное поле к каменным строениям.

Вблизи домики с крышами, покрытыми красной черепицей, оказались более высокими, чем выглядели с вертолета. В центральном строении, с кровлей в форме пагоды, было целых три этажа. Все здания поражали искусной отделкой. Каменные наличники украшала разноцветная красочная роспись, переплеты окон и дверей были выложены листовым золотом, а с крыш по углам свешивались каменные драконы и мифические птицы. Здания соединяли между собой крытые галереи, образовавшие небольшие дворики. Повсюду в монастыре красовались ряды деревянных молитвенных мельниц, покрытых причудливой резьбой с сакральными письменами. Многоцветные молитвенные флаги свисали с кровель, хлопая от порывов горного ветра. Монастырь казался воплощением сказки, мифической заоблачной Шангри-Ла, и зачарованная Лиза невольно замедлила шаг.

Однако движения по-прежнему не было заметно. Ставни закрывали большую часть окон. Монастырь хранил тягостное, зловещее молчание.

Вдруг вместе с потоком холодного чистого воздуха до Лизы долетел запах разложения. Хотя она вела в основном исследовательскую работу, во время медицинской практики ей все же доводилось встречаться со смертью. Миазмы тления не удалось уничтожить даже горному ветру. Девушка взмолилась про себя о том, чтобы смрад исходил только из загона для скота.

Увы, люди так и не вышли к прибывшему вертолету, и надежда на благополучный исход событий быстро таяла.

Анг Гелу шел впереди, солдат следом. Лиза прибавила шаг, чтобы не отстать. Они миновали два здания и направились к высокому строению, стоявшему посередине двора.

На земле в беспорядке валялись сельскохозяйственные орудия, словно их побросали в спешке. Повозка, запряженная яком, опрокинулась набок. Тут же лежало и мертвое животное с раздутым брюхом. Белесые остекленевшие глаза не мигая смотрели на пришедших, из черного провала рта вывалился распухший язык.

Лиза отметила про себя отсутствие вездесущих мух и падальщиков. Да и залетают ли мухи на такую высоту? Она окинула взглядом небеса: ни одной птицы. Даже не слышно ничего, кроме шороха стихшего ветра.

– Идите сюда, – позвал Анг Гелу.

Монах направился к высоким дверям центрального здания, очевидно, главного храма монастыря. Анг Гелу проверил щеколду – не заперто. Он потянул за ручку, и дверь со скрипом отворилась.

С обеих сторон от входа ярко горели светильники величиной с бочку: масляные лампы, заправленные ячьим жиром. Внутри храма запах разложения – предвестник смерти – стал сильнее.

Солдат, не спеша перешагнуть через порог, перекинул автоматическую винтовку с одного плеча на другое, собираясь с духом. Не выдержав, монах отстранил его, вошел в храм первым и громко произнес приветствие. Ответом было только эхо.

Лиза вошла следом за Анг Гелу. Солдат занял пост у входа.

Вдоль стен тянулись ряды молитвенных мельниц, у ног восьмифутовой статуи Будды из тикового дерева горели свечи и дымили ароматические палочки. За плечами изваяния Просветленного теснились многочисленные фигуры божеств тибетского пантеона. С высокого потолка свисали лампы, темные и холодные.

Когда глаза привыкли к полумраку, стали видны бесчисленные настенные росписи и деревянные резные мандалы⁷ с изображениями мифологических сцен. В мерцающем свете свечей Лизе они показались чуть ли не демоническими.

Анг Гелу снова окликнул обитателей монастыря.

Высоко над головами что-то скрипнуло.

Неожиданный шум приковал пришельцев к месту. Солдат зажег карманный фонарик и посветил вверх. По стенам метнулись тени, но в храме по-прежнему было пусто.

И вновь раздался скрип деревянных балок: на верхнем ярусе кто-то ходил. Посторонние звуки могли означать лишь одно: в храме есть кто-то живой. Однако по спине Лизы от страха побежали мурашки.

Анг Гелу заговорил:

– Над храмом находится уединенная молитвенная комната, туда ведет лестница. Я все проверю, а вы оставайтесь здесь.

Лиза и не думала послушаться монаха, но внезапно почувствовала всю тяжесть ответственности. Она все-таки врач. Домашние животные пали не от руки человека, в этом Лиза не сомневалась. Если в монастыре кто-то выжил, возможно, он способен рассказать о том, что здесь произошло. Тогда помощь Лизы будет просто необходима.

Она поправила на плече сумку.

– Я иду с вами.

Несмотря на показную твердость в голосе, девушка испытывала страх перед неизвестностью, поэтому пропустила Анг Гелу вперед.

За статуей Будды обнаружился арочный проход. Монах отодвинул тяжелую завесу из расшитой золотом парчи. В глубину здания вел небольшой коридор. Дымный полумрак наискось разрезали узкие лучи света, пробивавшиеся через щели между ставнями. Яркое красное пятно на одной из стен не вызывало сомнений: здесь пролилась кровь.

Из дверного проема в конце коридора, посреди расплывшейся черной лужи, виднелась пара безжизненных нагих человеческих ног. Анг Гелу жестом велел Лизе вернуться в храм. Девушка покачала головой и шагнула вперед. Она не надеялась спасти того, кто там лежал.

⁷ Мандала – мистический символ Вселенной, круг с вписанным в него квадратом с изображениями божеств.

Ей с первого взгляда стало ясно, что человек мертв. Лиза инстинктивно сделала несколько шагов вперед, приблизившись к труп.

Девушке хватило считанных секунд, чтобы оценить представшую пред ее взором жуткую картину.

От человека не осталось ничего, кроме пары ног, отрубленных на уровне середины бедер. Лиза еще раз опасливо заглянула в глубь комнаты, послужившей, по всей видимости, ареной для кровавой бойни.

Посередине, словно куча хвороста для костра, были сложены человеческие руки и ноги. У одной из стен, образуя ровную линию, лежали отсеченные человеческие головы. Раскосые, расширенные от ужаса, но уже мертвые глаза взирали на картину зверской расправы.

При виде окровавленных расчлененных тел Анг Гелу окаменел и тихо забормотал слова то ли молитвы, то ли проклятия.

Будто услышав его, в дальнем углу комнаты кто-то зашевелился. Из-под груды отрубленных конечностей возник человек, видимо, один из монахов: голый, с обритой головой, омытый кровью, словно новорожденный младенец.

Человек издал нечленораздельный гортанный звук и заковылял в комнату, волоча за собой огромный серп. Тусклый свет упал на его лицо и отразился в почти волчьих зрачках, горящих кровавыми точками.

Лиза торопливо отошла на несколько шагов назад, в коридор. Просительно вытянув вперед раскрытые ладони, Анг Гелу ласково заговорил с окровавленным существом, стараясь его успокоить.

– Релу-На, – повторял он. – Релу-На...

Лиза догадалась, что Анг Гелу узнал несчастного. Наверное, они познакомились во время прежних визитов монаха в монастырь.

Простое обращение по имени лишь на мгновение вернуло незнакомцу человеческие черты. Резко вскрикнув, безумец кинулся на монаха, размахивая серпом. Анг Гелу легко уклонился от удара, обхватил Релу-На руками и прижал его к дверному косяку.

Лиза торопливо бросила сумку на пол, расстегнула молнию, достала металлическую коробочку и открыла крышку. Внутри находился набор пластиковых шприцев, заполненных лекарственными препаратами для экстренной помощи: морфин – для снятия боли, эпинефрин – против анафилактического шока, лазикс – от отека легких. На шприцах имелись этикетки, но Лиза и так помнила, что где находится. В критических ситуациях на счету каждая секунда. Не раздумывая, Лиза схватила последний шприц.

Мидазолам – седативный препарат для парентерального введения. На больших высотах у людей нередко возникали галлюцинации.

Лиза зубами стащила с иглы колпачок и шагнула вперед.

Безумец неистово извивался, пытаясь вырваться. У Анг Гелу кровоточила рассеченная губа, а сбоку на шее алели глубокие царапины.

– Держите крепче! – крикнула Лиза.

Анг Гелу старался изо всех сил, однако именно в эту минуту, возможно почуяв намерения девушки, безумец вцепился зубами в его щеку, прокусив ее до кости. Монах вскрикнул от боли и все же продолжал удерживать Релу-На.

Подоспевшая Лиза воткнула шприц в шею безумца и вдавила поршень до упора.

– Отпускайте!

Монах с силой оттолкнул Релу-На, да так, что тот ударился головой о косяк двери. Лиза и Анг Гелу выбежали в коридор.

– Успокоительное подействует меньше чем через минуту.

Лиза предпочла бы ввести лекарство внутривенно, но это, учитывая обстоятельства, было невозможно. Ничего, довольно и внутримышечной инъекции. Возможно, когда несчастный успокоится, Лиза сумеет продолжить лечение и даже получить ответы на некоторые вопросы, которые сейчас роем носились у нее в голове.

Голый монах со стоном потер шею – лекарство сильно жгло – и, пошатываясь, вновь сделал несколько шагов в их сторону, захватив брошенный серп.

Лиза потянула Анг Гелу назад.

– Нужно подождать...

В этот миг в узком коридоре грянул оглушительный выстрел. Голова безумца буквально разлетелась на части, забрызгав все вокруг кровью. Тело с глухим стуком упало на пол.

Потрясенные Лиза и Анг Гелу в ужасе уставились на стрелявшего.

Непальский солдат медленно опустил винтовку. Анг Гелу принялся громко бранить его на родном языке, но оружия не отобрал.

Лиза подошла к безумцу и, не надеясь ни на что, попыталась нащупать пульс. Разумеется, сердце не билось. Она смотрела на мертвеца, мечтая найти ответы на вертевшие в голове вопросы. По рассказам гонца, пришедшего из деревни, загадочная болезнь поразила не одного человека. Другие жертвы могли пострадать не меньше застреленного бедняги.

Откуда в горах неизвестный недуг? Что оказалось носителем страшной болезни? Отравленная вода, просочившийся из-под земли ядовитый газ или токсичная плесень, поразившая зерно? Возможно, сюда проник вирус вроде лихорадки Эбола? А если это новая форма коровьего бешенства? Подвержены ли яки этому вирусу? Лиза в очередной раз вспомнила раздутые трупы животных на заднем дворе.

К ней подошел Анг Гелу и с состраданием посмотрел на неподвижное тело.

– Его звали Релу-На Хаварши...

– Вы знали беднягу?

Он кивнул.

– Парень доводился двоюродным братом мужу моей сестры. Релу-На родом из маленькой деревни. Случилось так, что он попал под влияние маоистских мятежников, но его натура восстала против их зверской жестокости. Релу-На бежал. Для мятежников предательство – смертный приговор. Я подыскал Релу-На работу в монастыре, где бывшие товарищи никогда бы его не нашли. Здесь он обрел тихий приют, о котором мечтал... По крайней мере, я молился об этом. Теперь ему предстоит отыскать свой путь к вечному покою.

– Мне очень жаль.

Лизе вспомнилась груда расчлененных тел в соседней комнате. Не безумие ли побудило несчастного совершить преступление?

Наверху снова послышался скрип, и все трое подняли головы.

Лиза почти позабыла, что привело их сюда. Анг Гелу указал девушке на неприметные узкие крутые ступеньки рядом с задрапированным входом в храм.

– Я поднимаюсь туда, – сказал монах.

– Пойдем вместе, – возразила Лиза. Она извлекла из сумки еще один шприц с успокоительным и кинула быстрый взгляд на солдата. – Главное, чтобы наш торопливый друг не нажал на спусковой крючок раньше времени.

Первым начал подниматься по лестнице солдат. Оказавшись наверху, он осмотрелся и поманил спутников за собой. Лиза увидела пустое помещение с одной-единственной закрытой дверью. В углу стопкой лежали тонкие подушки, пахло смолой и курительными свечами из нижнего храма.

Солдат навел винтовку на деревянную дверь в стене: снизу сквозь щель пробивалось слабое сияние. Прежде чем Лиза успела двинуться с места, узкую полоску света перекрыла тень: за дверью кто-то ходил.

Анг Гелу прошел вперед и постучал. Скрип тут же прекратился.

Монах что-то сказал на неизвестном Лизе языке. Зато тот, кто прятался за дверью, прекрасно его понял. Снова скрипнуло дерево, звякнула задвижка, и дверь слегка приоткрылась.

– Будьте осторожны, – прошептала Лиза, крепко сжав в руке шприц, свое единственное оружие.

Рядом солдат повторил ее жест, стиснув винтовку.

Анг Гелу рывком отворил дверь кельи. За ней была комнатка размером не больше чулана. В углу стояла неопрятная, неприбранная кровать, на маленьком столе горела масляная коптилка. У изножья кровати стояло открытое ведро, служившее затворнику нужником. Испарения мочи и фекалий пропитали всю комнату гнилостным запахом: отшельник не выходил из кельи несколько дней.

В углу, спиной к вошедшим, стоял пожилой мужчина, одетый в такую же красную рясу, как и Анг Гелу, только сильно поношенную и грязную. Нижние края одежды старик подвязал вокруг бедер, обнажив голые ноги. Он трудился: писал на стене пальцем, смоченным в собственной крови.

Еще один сумасшедший.

В другой руке старик держал короткий кинжал. Босые ноги были исполосованы глубокими порезами, которые безумец использовал в качестве источника кровавых «чернил». Затворник не прервал работы, даже когда вошел Анг Гелу.

– Лама Кхемсар... – с состраданием окликнул его Анг Гелу, не решаясь подойти ближе.

Лиза вошла следом, держа шприц наготове. Анг Гелу оглянулся, и она кивнула. Потом дала знак солдату, чтобы тот отошел подальше: ей не хотелось вновь стать свидетельницей того, что случилось внизу.

Лама Кхемсар обернулся. Осунувшееся лицо, безжизненный взгляд, мутные глаза. Лишь огонь свечи полыхал в зрачках лихорадочным сиянием.

– Анг Гелу... – пробормотал старый монах и вновь повернулся к строкам, написанным им на стенах кельи.

Готовый продолжить зловещий труд, он воздел испачканный в крови палец.

Немного успокоившись, Анг Гелу шагнул к старику. Лама Кхемсар, настоятель монастыря, еще не слишком далеко ушел по тропе безумия; возможно, он сможет ответить на некоторые вопросы. Анг Гелу заговорил с ним на родном языке.

Пока монах увещевал настоятеля, Лиза изучала стены. Знаки, начертанные на них, были ей незнакомы; одна и та же комбинация символов повторялась вновь и вновь.

Одной рукой Лиза извлекла из сумки фотоаппарат, навела объектив на надпись и сделала снимок. К сожалению, девушка забыла выключить вспышку.

Комнату на мгновение озарил яркий свет.

Старик вскрикнул и резко обернулся, взмахнув в воздухе рукой. Анг Гелу в страхе отпрянул. Глядя с испугом в сторону источника внезапного света и выкрикивая непонятные

слова, лама Кхемсар полоснул себя по горлу кинжалом. Ярко-красная линия моментально превратилась в пульсирующую струю: нож глубоко рассек трахею.

Анг Гелу метнулся вперед и отшвырнул кинжал в сторону. Он подхватил ламу Кхемсара и, осторожно поддерживая, опустил старика на пол. Кровь обагрила его рясу и руки.

Лиза бросила сумку и фотокамеру и кинулась на помощь. Анг Гелу пытался пережать артерию, однако все его усилия оказались напрасными.

– Помогите мне, – попросила Лиза. – Я должна освободить дыхательные пути...

Однако Анг Гелу только горестно покачал головой. Воздух перестал выходить из раны вместе с пузырящейся кровью. Дыхание пресеклось. Преклонный возраст, потеря крови и обезвоживание лишили настоятеля последних сил.

– Простите меня, – растерянно произнесла Лиза. – Я думала... – Она указала на стену. – Мне показалось, что он написал что-то важное.

– Тарабарщина. Бред сумасшедшего, – скорбно покачал головой Анг Гелу.

Не зная, за что взяться, Лиза достала стетоскоп и приложила его к груди ламы, желая деловитостью прикрыть растерянность и чувство вины.

Девушка прислушивалась безрезультатно – сердце не билось.

Внезапно она заметила на ребрах мертвеца засохшую царапину странной формы. Лиза осторожно раздвинула окровавленную одежду и обнажила грудь старика.

У потрясенного Анг Гелу вырвался судорожный вздох удивления.

Оказывается, стены были не единственной поверхностью, над которой потрудился Кхемсар. Еще один символ был вырезан на груди монаха тем же самым кинжалом и, несомненно, его же рукой. В отличие от непонятных настенных изображений этот изогнутый крест они узнали сразу.

Свастика.

И тут стены монастыря сотряс первый взрыв.

9 часов 55 минут

Человек очнулся от оглушительного грома.

Испуг вырвал его из беспомощности лихорадки. Нет, это не гром, а взрыв или выстрел. С низкого потолка посыпалась штукатурка. Мужчина сел в постели, пытаясь сообразить, где находится и который сейчас час. Комната медленно кружилась и плыла перед глазами. Отбросив грязное шерстяное одеяло, он нащупал ногами пол.

Одежды никакой, кроме полотняной набедренной повязки... Человек поднес к лицу руку. Пальцы дрожали. Во рту стоял противный глиняный привкус, глаза болели, несмотря на то что солнечный свет в комнату не проникал. Неожиданно все тело мужчины сотряс приступ озноба.

Спустив ноги с койки, человек попробовал подняться. Не самая лучшая затея: в глазах снова потемнело. Мужчина упал на койку и уже начал проваливаться в беспомощность, как вдруг грохот новых выстрелов привел его в чувство. Совсем близко прогремела и стихла короткая автоматная очередь.

Он снова попробовал встать. На этот раз с большей решимостью. Память вернулась, как только он доковылял до выхода. Мужчина толкнул дверь, потом подергал за ручку.

Дверь была заперта.

9 часов 57 минут

– Наш вертолет уничтожен, – глухо произнес Анг Гелу.

Лиза стояла у высокого окна. Несколько секунд назад, едва смолкло эхо взрыва, они отперли задвижки и распахнули оконные ставни. Солдат заметил во дворе какое-то движение и принялся яростно палить из винтовки.

Ответного огня не последовало.

– Может быть, это пилот? – предположила Лиза. – Наверное, возникла проблема с двигателем, он испугался и убежал.

Солдат положил винтовку на оконную раму и прицелился, оглядывая двор. Анг Гелу указал на столб черного дыма, который поднимался над картофельным полем, как раз на том месте, где сел вертолет.

– На аварию не похоже.

– Что же нам теперь делать? – растерянно спросила Лиза.

А если вертолет взорвал какой-нибудь сумасшедший монах? Интересно, много ли других маньяков рыщет по монастырю? Лиза вспомнила разъяренного Релу-На, размахивающего серпом, и настоятеля, покончившего жизнь самоубийством...

Черт возьми, что здесь творится?

– Нужно уходить, – решил Анг Гелу.

– Куда же мы пойдем?

– Неподалеку отсюда есть маленькие деревушки. До них всего один день пути. Нам нужна помощь людей, одни мы не справимся.

– А что будет с теми, кто остался здесь? Возможно, не все они так сильно пострадали, как ваш родственник или настоятель. Разве мы не окажем им помощь?

– В первую очередь я должен позаботиться о вашей безопасности, доктор Каммингс. Кроме того, необходимо срочно оповестить о произошедших событиях представителей власти.

– Но как быть, если заболевание заразно? А если мы уже инфицированы? Мы можем невольно распространить его!

Монах прикоснулся к окровавленной щеке.

– Вертолет уничтожен, теперь у нас нет связи с внешним миром. Если мы останемся здесь, то все равно умрем, и тогда никто ничего не узнает. Постараемся пока свести контакты с другими людьми к минимуму. Вызовем помощь, но будем держаться на безопасном расстоянии.

– Да, никаких физических контактов, – машинально пробормотала Лиза.

Анг Гелу кивнул.

– Ради такой важной информации стоит рискнуть.

Лиза медленно наклонила голову, соглашаясь. Она не могла отвести взгляд от столба черного дыма. Скорее всего, пилот погиб. Точное число заболевших назвать невозможно. Взрыв, конечно, устроил не пилот.

Если они действительно решились бежать, то нужно делать это срочно.

– Пойдемте, – сказала она.

Анг Гелу бросил солдату короткий приказ. Охранник вытянулся, кивнул и, покинув свой пост у окна, вышел из комнаты, держа оружие на изготовку.

Лиза в последний раз бросила взгляд на келью и мертвого монаха, размышляя о вероятности заражения. Успели ли они подхватить инфекцию? Шагая следом за мужчинами, она

мысленно прислушалась к своим ощущениям, оценивая самочувствие. Во рту пересохло, мышцы лица болели, сердце громко стучало. Однако это всего лишь нормальная реакция организма на страх. Лоб влажный, но лихорадки нет. Лиза глубоко вздохнула, приходя в себя, и осознала беспочвенность собственных подозрений. Даже если она подхватила инфекцию, инкубационный период продлится не менее часа.

Они прошли через главный храм, мимо тиковой статуи Будды в окружении многочисленных божеств. За дверью удивительно ярко сиял дневной свет.

Их вооруженный охранник целую минуту обследовал двор и лишь потом знаком показал, что путь свободен. Лиза и Анг Гелу направились к выходу.

Девушка еще раз оглядела темные углы храма, напрасно надеясь уловить хоть какое-то движение. В монастыре все было спокойно.

Однако безмятежность продлилась недолго.

Едва Лиза сделала шаг вперед, как второй взрыв потряс здание напротив. Взрывная волна швырнула людей наземь.

В воздух, вместе с дымом и пламенем, взлетели осколки черепицы. Из окон вслед за выбитыми ставнями вырвались два огненных шара. Дверь разлетелась в щепки, выпустив наружу клубы дыма и огня. Жар, словно дыхание раскаленной печи, опалил лицо.

Солдата, шедшего впереди, взрывом опрокинуло на спину, хотя он и удержал винтовку, вцепившись пальцами в кожаный ремень. Под градом осколков черепицы охранник попытался встать.

Анг Гелу тоже поднялся и протянул руку Лизе.

Он совершил ошибку.

Погремел третий, еще более сильный взрыв, взревело пламя, затрещала черепица. Потом раздался выстрел. Верхнюю часть головы монаха снесло, будто ее отрезали. Брызнул кровавый фонтанчик.

На этот раз стрелял не солдат непальской армии.

Охранник бежал, прикрывая лицо рукой от дождя из каменных осколков, волоча за собой винтовку за кожаный ремень. Похоже, он не слышал выстрела. При виде падающего Анг Гелу солдат выпучил глаза от страха, затем в панике кинулся вправо, в спасительную тень ближайшего строения. Оттуда он крикнул Лизе что-то непонятное.

Девушка, пригнувшись, помчалась к двери храма. Грохнул еще один выстрел, раздробив камень у самых ее ног. Лиза взбежала на крыльцо и скрылась в темноте храма.

Осторожно выглянув, она увидела, что солдат боком пробирается вдоль стены. Он старался не попасть в поле зрения снайпера, решив, что знает, где тот прячется.

Лиза, затаив дыхание, широко раскрытыми глазами оглядывала крыши и окна монастыря. Кто застрелил Анг Гелу?

И тут она увидела убийцу.

В дыму горевшего дальнего строения промелькнула тень. Лиза успела заметить вспышку света: это пламя отразилось от оружия бегущего человека. Вооруженный снайпер стремился занять новую огневую позицию.

Лиза выглянула во двор, окликнула солдата и помахала ему рукой. Тот прижался спиной к стене и крадучись начал продвигаться в сторону девушки, к главному храму, не отрывая взгляда от крыши противоположного дома. Он явно не заметил, что снайпер оттуда ушел.

– Уходи! – крикнула Лиза солдату.

Она не знала местного наречия, но охранник услышал страх, прозвучавший в ее голосе. Их взгляды встретились. Она поманила парня к своему убежищу. Потом указала рукой в сторону, пытаясь объяснить, куда побежал снайпер. Но где убийца теперь?

– Беги! – повторила Лиза.

Солдат сделал шаг в ее сторону. Однако Лиза ошиблась в своих предположениях: внезапная вспышка за спиной охранника свидетельствовала о том, что снайпер бежал не для того, чтобы предпринять новую атаку. За окнами соседнего дома взвились языки пламени – взорвалась еще одна бомба.

О боже...

Взрывная волна настигла солдата на полпути к храму. Дверь здания за его спиной слетела с петель, сотни острых осколков прошли тело. Солдата сбило с ног потоком горячего воздуха, и парень как подкошенный упал ничком.

Он остался лежать неподвижно, даже когда его одежда загорелась.

Лиза отползла в глубину храма, не отрывая взгляда от входа. И Анг Гелу, и солдата убил отнюдь не сумасшедший монах. Незвестный действовал продуманно, а убивал методично и профессионально.

Лиза оглядела узкий коридор позади себя и заметила труп Релу-На. Остальная часть коридорчика казалась безопасной. Вот если бы ей удалось подобрать серп, брошенный безумцем, чтобы получить хоть какое-то оружие...

Однако прежде, чем Лиза успела сделать шаг, за ее спиной возник темный силуэт. Голая рука крепко обхватила девушку за шею, и резкий голос отрывисто рявкнул в самое ухо:

– Не двигаться!

Испуганная, Лиза машинально двинула нападавшего локтем в живот.

Незнакомец издал глухой вопль, разжал руку и упал спиной вниз поперек входа, сорвав вышитую золотом тяжелую завесу.

Лиза обернулась, готовая бежать со всех ног.

Мужчина был обнажен, если не считать набедренной повязки. Его загорелую кожу покрывали старые шрамы, растрепанные прямые черные волосы частично прятали лицо. Ростом, развитой мускулатурой и широкими плечами он скорее походил на представителя коренного населения Америки, чем на тибетского монаха.

Незнакомец взглянул на Лизу. В свете лампы блеснули светло-голубые глаза.

– Кто вы? – спросила она.

– Пейнтер, – со стоном ответил мужчина. – Я Пейнтер Кроу.

2

Библия Дарвина

16 мая, 6 часов 05 минут

Копенгаген, Дания

И почему кошки так любят книжные магазины?

Выйдя из отеля «Нюхавн», командер Грейсон Пирс разжевал вторую за сегодняшнее утро таблетку кларитина. Вчера он обошел с полдюжины магазинчиков, и везде обосновались кошки. Они возлежали на прилавках и шныряли по верху шатких стеллажей, покрытых бумажной пылью и истлевшей кожей.

Теперь Грейсона мучил неотвязный насморк. А может, просто начиналась простуда, а пыль и кошки совершенно ни при чем. Копенгагенская весна по сырости и промозглости не уступала зиме в Новой Англии⁸. Зря он не взял с собой теплые вещи.

Сегодня Грейсон надел колючий однотонный свитер из некрашеной мериносовой шерсти в рубчик, с высоким воротом. Командер купил его в дорогом бутике рядом с гостиницей. Зато утренний холод больше не страшен. Уже час, как рассвело, но негреющее северное солнце, тускло сияющее на свинцовом небе, не вселяло надежды на то, что днем потеплеет. Почесывая шею под кусачим воротником, Грейсон направился к центральному вокзалу.

Отель стоял недалеко от одного из городских каналов. Судходное русло с обеих сторон окаймляли вереницы строений веселой расцветки: магазины, небольшие гостиницы и частные дома. Все это напоминало Грею Амстердам. Вдоль берегов, близко пришвартованные друг к другу, стояли всевозможные суда: облупившиеся низкобортные шлюпы, пестрые экскурсионные катера, легкие деревянные шхуны, сияющие белизной яхты. Проходя мимо одной такой красавицы, Грей только головой покачал: ни дать ни взять плавучий свадебный торт! Даже в столь ранний час вокруг бродили обвешанные фотоаппаратами туристы, позировали да то и дело щелкали и жужжали камерами.

Грей перешел по каменному мосту через канал, прошагал по берегу с полквартиры, остановился и небрежно оперся о кирпичный парапет, взглянув на воду. На спокойной поверхности возникло отражение, наполовину скрытое тенью. Грей на мгновение даже испугался: снизу на него почти в упор смотрел отец. Прямые угольно-черные волосы упали на глаза, подбородок прорезала изогнутая ямочка – резкие и угловатые черты лица неумолимо выдавали валлийское происхождение. Да, он сын своего отца, сомневаться не приходится. Этот факт в последнее время постоянно занимал мысли Грея и по ночам не давал сомкнуть глаз.

Что еще оставил ему в наследство папочка?

Разбив зеркало воды и покрыв отражение рябью, мимо проплыла чета черных лебедей. Птицы скользили к мосту, плавно изгибая длинные шеи.

Грей выпрямился и сделал вид, что хочет сфотографировать строй яхт, а на самом деле внимательно осмотрел мост, по которому только что прошел. Он проверял, нет ли за ним хвоста: выискивал взглядом подозрительных людей, идущих следом, высматривал примелькавшиеся лица. Жизнь в гостинице рядом с каналом давала одно преимущество: на мосту легче всего обнаружить слежку. Знай переходи с берега на берег – и непременно заставишь преследователя выдать себя. Грей осматривался не меньше минуты, запоминая лица и походку горожан и туристов, затем снова тронулся в путь.

⁸ Штаты Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут.

Задание предстояло несложное, и профессиональная привычка могла показаться скорее навязчивой идеей, чем необходимостью. Однако не зря он носил на шее цепочку с серебряной фигуркой дракона. Амулет подарил ему агент из лагеря противника, и Грей не расставался с брелоком, напоминающим о бдительности.

На ходу он почувствовал в кармане вибрацию и достал сотовый телефон. Кому вздумалось звонить с утра пораньше?

– Пирс слушает.

– Грей, как хорошо, что я до тебя дозвонилась!

Знакомый бархатный голос согрел студеное утро, и резкие черты Грейсона смягчила улыбка.

– Рейчел! – Позабыв обо всем, он замедлил шаг. – Что-нибудь случилось?

Грей неспроста вызвался участвовать в операции и перелетел через всю Атлантику, чтобы попасть в Данию: ему страстно хотелось снова увидеть Рейчел Верону. С текущим расследованием «Сигмы» справится любой рядовой исполнитель, но задание в Европе давало прекрасную возможность повидаться с красивой темноволосой женщиной, которая служила в итальянской полиции и носила звание лейтенанта.

Они познакомились в прошлом году в Риме и с тех пор изобретали всевозможные поводы для встреч. Увы, это было не так-то просто: работа крепко держала Рейчел в Европе, а обязанности Грея не позволяли надолго отлучаться из Вашингтона. Они не видели друг друга почти восемь недель!

Ах, каким замечательным получилось их последнее свидание на вилле в Венеции. Женственный силуэт Рейчел на фоне открытой балконной двери, мягкое сияние ее кожи в лучах заходящего солнца... Любовники провели в постели всю ночь. На Грея нахлынула волна воспоминаний: вкус шоколада и корицы на губах, роскошный аромат чуть влажных волос, жаркое дыхание, блаженные стоны, сплетающиеся тела, нежность шелкового черного белья...

– Мой рейс откладывается.

Голос Рейчел развеял грезы. Пирс резко остановился, не в силах скрыть разочарование.

– Что?

– Я уже перерегистрировалась на рейс компании «КЛМ». Прилечу в двадцать два.

В десять часов вечера. Грей нахмурился. Значит, ужин при свечах в ресторанчике «Сент Гертруд кластер», в погребе средневекового монастыря, отменяется. Досадно, ведь заказ пришлось сделать заранее, за целую неделю до приезда Рейчел.

– Мне очень жаль, – произнесла она в ответ на его молчание.

– Ладно, не расстраивайся. Лишь бы ты скорее прилетела. Остальное не имеет значения.

– Знаю. Я соскучилась.

– Я тоже.

Грей покачал головой, досадуя на себя за столь незначущую фразу. В душе он хотел бы сказать многое, но не находил слов. Почему у них всегда одно и то же? Первый день встречи неизменно уходит на преодоление некоторой натянутости и застенчивости. Легко предаваться романтическим мечтам о том, как они упадут друг другу в объятия, в реальности же все складывалось непросто. Первые несколько часов они чувствовали себя людьми мало-знакомыми. Грей и Рейчел обнимались, целовались, говорили подходящие случаю слова, но для того, чтобы возникла внутренняя близость, требовалось время – несколько часов разговоров об их жизни по разные стороны Атлантики. И все же главным оставалось желание вновь обрести единый внутренний ритм, гармонию, которая постепенно становилась страстью.

Грей всякий раз боялся, что этого не случится.

– Как дела у отца? – спросила Рейчел, делая первые шаги ритуального танца сближения.

Перемена темы обрадовала Грея. По крайней мере, у него есть хорошие новости.

– Отцу действительно лучше. Состояние стабилизировалось. Мать считает, что улучшение произошло из-за карри.

– Карри? Это такая пряность?

– Вот именно. Мама прочитала статью о том, что куркумин, желтый пигмент карри, обладает антиоксидантными и противовоспалительными свойствами. Возможно, он даже помогает уменьшить амилоидные бляшки при болезни Альцгеймера.

– Хорошо бы.

– Теперь мать добавляет карри в любую еду, даже в папин утренний омлет. Весь дом благоухает, как индийский ресторан.

От негромкого смеха Рейчел хмурое утро опять стало светлее.

– Наконец-то она начала готовить!

Настала очередь Грея улыбнуться. Мать, занимавшая штатную должность профессора биологии в Университете Джорджа Вашингтона, никогда не отличалась кулинарными талантами. Научная карьера матери стала главным средством существования семьи после того, как двадцать лет назад промышленная катастрофа сделала ее супруга инвалидом. Теперь семья сражалась с новой бедой: у отца Грея появились первые признаки болезни Альцгеймера. Недавно мать взяла короткий отпуск, чтобы обеспечить мужу необходимый уход, но сейчас уже завела разговор о возвращении в университет. Дело пошло на лад, что позволило Грею отправиться в короткую командировку.

Не успел Грей ответить, как телефон сигналом возвестил о втором звонке. Кто бы это мог быть? Грей посмотрел на экран. Проклятье...

– Рейчел, мне звонят из центра. Извини.

– Тогда я тебя отпускаю.

– Постой, назови номер своего нового рейса.

– Компания «КЛИМ», номер четыре-ноль-три.

– Ясно. До вечера.

– До вечера, – эхом откликнулась Рейчел.

Грей нажал кнопку, чтобы принять следующий звонок.

– Пирс слушает.

– Коммандер Пирс!

По слегка искаженному телефоном новоанглийскому акценту Грей сразу узнал Логана Грегори. Второй человек в командовании «Сигмы», Грегори служил под непосредственным началом директора Пейнтера Кроу.

– Мы получили новые сведения, возможно, имеющие отношение к вашему заданию в Копенгагене. Интерпол сообщает о неожиданно высоком интересе к сегодняшнему аукциону.

Грей перешел на другой берег канала и остановился. Десять дней назад Агентство национальной безопасности отследило нескольких дельцов черного рынка, интересующихся историческими документами, которые некогда принадлежали ученым Викторианской эпохи. Загадочные люди скупали рукописи и их копии, официальные документы, письма и дневники того времени. Права собственности на многие из них вызывали подозрение. И хотя раньше деятельность черных дельцов не входила в круг интересов «Сигмы», сосредоточившей свои силы на глобальной безопасности, Агентство национальной безопасности связывало ряд продаж с отдельными фракциями внутри террористических организаций. Подобные движения капиталов всегда жестко отслеживались.

Пока смысл происходящего оставался неясным. Действительно, цены на исторические документы росли, в бумаги вкладывали деньги, хотя прежде раритеты такого рода не относились к сфере интересов большинства террористических организаций. Однако, как известно, времена меняются.

Как бы там ни было, «Сигма» подключилась к выяснению личности главных заказчиков и людей, вовлеченных в торговые операции. Грею поручили прояснить обстоятельства, предшествовавшие проведению сегодняшнего закрытого аукциона, на который можно было попасть только по приглашениям. В том числе командеру предстояло детально отследить историю предметов, вызвавших особый интерес местных коллекционеров. Поэтому последние два дня он прочесывал пыльные книжные лавки и антикварные магазинчики, прятавшиеся на узких улочках в укромных уголках Копенгагена. Больше других ему помог магазин, принадлежавший бывшему юристу из Джорджии. С помощью земляка Грей неплохо подготовился. Сегодня утром он намеревался изучить планировку аукционного дома и разместить скрытые видеокамеры у всех входов и выходов. Во второй половине дня ему предстояло наблюдать за покупателями и по возможности их фотографировать. Задача не самая важная, но если удастся пополнить базу данных второстепенных участников террористической войны, уже неплохо.

– Из-за чего сыр-бор?

– Из-за нового лота. Он привлек внимание нескольких покупателей, которых мы контролируем. Старая Библия. Выставлена на торги частным лицом.

– И что в ней такого уникального?

– Согласно описанию, она некогда принадлежала Дарвину.

– Чарлзу Дарвину, отцу теории эволюции?

– Вот именно.

Грей запальчиво стукнул кулаком по кирпичному парапету: опять ученый времен царствования королевы Виктории!.. Обдумывая данный факт, Грей машинально оглядывал соседний мост.

Неожиданно его внимание привлекла девушка-подросток в темно-синем вязаном жакете на молнии, с поднятым капюшоном. Лет семнадцати-восемнадцати, гладкая кожа лица оттенка жженого сахара. Индуска? Пакистанка? Из-под капюшона выбивались прядки черных волос, заплетенных в толстую косу. На левом плече – зеленый, выдавший виды рюкзак, точно такой же, как у большинства учеников колледжей.

Ничего особенного, если не считать того, что именно эту девушку Грей видел, когда переходил первый мост. Она на мгновение встретилась с ним взглядом и слишком быстро отвернулась. Подозрительно. Неужели следит?

Логан продолжал:

– Мы загрузили адрес продавца в базу данных вашего телефона. У вас достаточно времени, чтобы до начала аукциона с ним побеседовать.

Грей посмотрел на экран мобильного, где на карте города был обозначен адрес. Через восемь кварталов, сразу за Строгетом, на главной пешеходной торговой улице, что пролегла через центр Копенгагена. Недалеко.

Но сначала...

Уголкем глаза он продолжал рассматривать отражение моста на гладкой поверхности воды. В зеркале канала было видно, как девушка дернула плечами, словно поправляя рюкзак, а потом отвернулась, чтобы спрятать лицо.

Догадалась, что ее раскрыли?

– Коммандер Пирс? – окликнул его Логан.

Девушка дошла до конца моста и смешалась с толпой. Грей подождал, чтобы удостовериться, что второго следящего нет.

– Коммандер Пирс, вы получили адрес?

– Да. Я только что проверил.

– Очень хорошо.

С этими словами Логан отключился.

Не отходя от парапета, Грей осторожно осмотрелся, ожидая появления девушки или ее сообщника. Жаль, оставил пистолет «глок» в сейфе отеля. Инструкция, полученная из аукционного дома, предупреждала, что все приглашенные будут подвергнуты на входе досмотру с помощью металлоискателя. Единственным оружием Грея оставался углепластиковый нож, спрятанный в ботинке. Негусто.

Город постепенно просыпался. Неподалеку худой и бледный хозяин одного из магазинчиков вытаскивал на улицу витрины с лежащей на льду живой рыбой: хвостами хлопали дуврские морские языки, треска, песчаные угри и, конечно же, неперенные селедки. Вскоре их мощный запах прогнал Грея с наблюдательного поста у канала, и коммандер продолжил путь, с удвоенным вниманием следя за прохожими.

Возможно, подозрительность уже стала навязчивой идеей, но при его профессии такой диагноз принесет только пользу.

Миновав несколько кварталов, Грей почувствовал себя в безопасности и достал записную книжку. На первой странице были перечислены лоты сегодняшнего аукциона, представляющие особенный интерес.

1. Копия работы Грегора Менделя по генетике, датируемая 1865 годом.
2. Труды Макса Планка: «Термодинамика» 1897 года и «Теория теплового излучения» 1906 года, оба с автографами автора.
3. Журнал наблюдений за мутациями растений Хуго Де Фриза⁹.

Во время вчерашних поисков Грей собрал всю доступную информацию по этим лотам. Ниже он добавил только что полученное сообщение еще об одном:

4. Библия Чарлза Дарвина.

Захлопнув записную книжку, Грей в сотый раз со времени прилета в Данию задался вопросом: что связывает эти книги?

Может, лучше оставить головоломку другим специалистам «Сигмы»? Интересно, сообщил ли Логан подробности дела коллегам Грея: Монку Коккалису и Кэтрин Брайент? Они по праву считались экспертами в построении единой картины из разрозненных данных и выстраивании логических цепочек. А может быть, связи между книгами вовсе нет? Делать выводы слишком рано, нужно собрать как можно больше сведений, особенно о последнем лоте. После этого он и подключит к делу Монка и Кэт.

А до тех пор Грей решил оставить голубков в покое.

21 час 32 минуты по восточному времени

Вашингтон, округ Колумбия

– Это правда?

Монк осторожно положил ладонь на обнаженный живот любимой женщины. Он стоял на коленях перед кроватью, в оранжево-черных «найковских» тренировочных брюках. Майка, влажная после вечерней пробежки, валялась на деревянном полу там, где он ее уронил. Брови, единственные островки волос на бритой голове Монка, выжидательно поднялись.

– Да.

Кэт нежно отодвинула его ладонь и встала с постели с другой стороны.

⁹ Голландский ботаник, один из ученых, повторно открывших законы Менделя.

Монк невольно улыбнулся.

– Ты уверена?

В белых трусиках и несоразмерно большой футболке с надписью «Технологический институт Джорджии» Кэт направилась в ванную комнату. Ее прямые золотисто-каштановые волосы свободно спадали на плечи.

– Задержка пять дней, – неохотно ответила она. – Вчера я сделала тест на беременность.

Монк поднялся на ноги.

– Вчера? А почему мне не сказала?

Женщина скрылась за дверью ванной.

– Кэт!

Он услышал звук воды, свидетельствовавший о том, что Кэт встала под душ, обошел вокруг кровати и направился к двери в ванную. Ему не терпелось узнать больше. Когда Монк вернулся с пробежки, Кэт встретила его, лежа в постели с покрасневшими глазами и припухшим лицом. Она плакала. А после долгих уговоров огорошила его новостью, которая не давала ей покоя весь день.

Монк тихонько постучал в дверь, однако звук получился более громким и настойчивым, чем ему хотелось бы, и он злобно посмотрел на провинившуюся руку. Протез с пятью пальцами представлял собой произведение искусства, под завязку набитое последними достижениями техники и электроники. Он получил его взамен собственной руки, которой лишился на задании. Увы, пластику и металлу далеко до живой плоти. Хотел постучать в дверь, а впечатление создалось такое, словно Монк собрался ее выломать.

– Кэт, давай поговорим, – ласково произнес Монк.

Он просунул голову в дверной проем. Они встречались уже почти целый год, и в ванной висело отдельное полотенце для Монка, но все же некую дистанцию продолжали соблюдать.

Кэт сидела на крышке унитаза, положив на руки подбородок.

– Кэтрин...

Она вздрогнула от неожиданности.

– Монк!

Кэт вытолкала его из ванной и налегла на дверь, чтобы затворить ее до конца.

Он просунул ногу в щель.

– Ты же ничем таким не занята.

– Жду, пока пойдет горячая вода.

Зеркало запотело. Ванную наполнял аромат жасмина. Нежный запах взволновал Монка до глубины души. Он сделал шаг вперед и опустился перед Кэт на колени.

Женщина отпрянула.

Он обнял ее колени обеими руками – одной живой, другой пластиковой. Кэт опустила голову, пряча глаза.

Монк приник к теплоте тела любимой женщины, скользнул руками по ее бедрам и, обхватив ладонями ягодицы, прижал Кэт к себе.

– Я должна...

– Ты должна была прийти ко мне.

Кэт наконец посмотрела ему в глаза.

– Я... прости меня.

– За что?

– Мне следовало быть осторожнее.

– Не припомню, чтобы ты жаловалась.

– Но такая ошибка...

– Никогда... – Он крепко поцеловал ее, подбадривая, и прошептал в самые губы: – Никогда не называй это ошибкой.

Обвив руками шею Монка, Кэт прижалась к любимому, окутав его ароматом жасмина.
– Что же нам делать?
– Я, может, и не всезнайка, но на этот вопрос ответ дам легко.
Он лег на бок, привлек женщину к себе и лаской заставил опуститься на коврик.
– Ох! – только и успела пролепетать Кэт.

7 часов 55 минут

Копенгаген, Дания

Грей сидел в кафе и изучал дом напротив. Там находился маленький антикварный магазинчик.

На окне красовалась надпись на датском языке: «Редкие книги». Магазин занимал весь первый этаж низкого строения с красной черепичной крышей. Оно ничем не отличалось от соседних домов, выстроившихся вдоль улицы. И так же, как и другие магазинчики подобного рода, открытые в этой части города, пришло в упадок. Верхние окна были наглухо закрыты обычными ставнями, зато вход в магазин находился под надежной защитой стальной опускающейся решетки.

Ожидая открытия магазина, Грей смотрел по сторонам, прихлебывая из стаканчика то, что здесь, в Дании, называлось шоколадом. Густой напиток по вкусу ничем не отличался от шоколадного батончика. Несмотря на царивший полумрак, от дома напротив исходило очарование Старого Света. На улочку выходили мансардные окна, тяжелые наружные балки пересекали второй этаж, а с крутого конька крыши зимой наверняка сползала тяжелая снежная шапка. Грей даже рассмотрел старые «шрамы» под окнами, где некогда прикреплялись цветочные ящики. Коротая время, он мысленно представлял, каким образом дому можно вернуть первозданный великолепный вид.

Ему даже показалось, что доносится запах опилок. Ожили иные воспоминания, непрощенные и нежеланные: столярная мастерская в гараже, работа после школы в ней вместе с отцом, часто заканчивающаяся громкими ссорами и обидными словами, которые потом так трудно взять назад. Из-за разлада в семье Грей в конце концов и бросил школу, чтобы поступить в военное училище. Лишь много позже отец и сын нашли общий язык.

Пирс потряс головой, отбрасывая горькие мысли, и посмотрел на часы. Он уже обследовал дом, где пройдет аукцион, разместил две видеокамеры: у парадной двери и у черного хода. Оставалось только расспросить хозяина здешнего магазина о Библии Дарвина и сделать несколько моментальных снимков, чтобы запечатлеть посетителей аукциона. На этом его миссия закончится – и начнется длинный уик-энд с Рейчел.

Грей вспомнил ее улыбку, и узел напряжения ослаб.

Наконец в доме напротив звякнул колокольчик. Дверь магазина дрогнула, стальная решетка начала подниматься.

Увидев, кто открывает магазин, Грей изумленно выпрямился на стуле. Черные косы, кофейный оттенок кожи, широко расставленные миндалевидные глаза – та самая девушка, что следила за ним сегодня утром! Она даже не сменила трикотажный жакет на молнии и потерявший зеленый рюкзак.

Грей достал из кармана несколько банкнот и оставил деньги на столике, радуясь возможности покончить с тягостными мыслями и вернуться к делу.

Он перешел через узкую улицу. Девушка, казалось, совсем не удивилась, заметив его.

– Дай угадаю, друг, – произнесла незнакомка на чистейшем английском языке, сдобренным британским акцентом. – Ты американец.

Грей постарался сохранить на лице выражение вежливого любопытства, делая вид, будто понятия не имеет об утренней слежке.

– Как ты догадалась?

– По походке. Хвост распускаешь. Твой наглый вид выдает тебя с головой.

– В самом деле?

Она закрепила дверь, и Грей заметил, что к ее жакету приколоты радужный флажок «Гринписа», серебряный кельтский символ, золотой египетский анкх¹⁰, а также разноцветная россыпь значков со слоганами на датском языке и один с английской надписью: «Беги, лемминг, беги». На руке девушка носила белый пластмассовый браслет с вырезанным на нем словом «НАДЕЖДА».

Незнакомка отстранила Грея и, когда тот замешкался, легонько оттолкнула его, чтобы выйти на улицу.

– Магазин откроется только через час. Извини, друг.

Обескураженный Грей застыл, переводя взгляд с двери магазина на девушку. Та пересекла улицу и направилась в кафе. Проходя мимо столика, который Грей только что покинул, она подхватила одну из оставленных им банкнот. Заказала две большие чашки кофе и расплатилась украденной бумажкой.

Вернулась она, неся в руках два пластиковых стаканчика.

– Ты еще здесь?

– Больше некуда деться в данный момент.

Девушка кивком указала на дверь и приподняла обе руки, чтобы показать, что они заняты.

– Ты заснул?

– Ох!

Смутившись, Грей отворил перед ней дверь.

Войдя в дом, незнакомка прокричала:

– Бертал! – Потом оглянулась и посмотрела на Грея: – Так ты войдешь или нет?

– Ты вроде сказала...

Она закатила глаза.

– Чушь собачья. Кончай притворяться, что мы не виделись.

Грей напрягся. Так значит, это не совпадение. Девушка действительно следила за ним.

Она позвала еще раз:

– Бертал! Тащи сюда свой хвост!

Смущенный и раздосадованный, Грей прошел за ней в магазин, притормозив на всякий случай у двери, чтобы была возможность быстро ретироваться.

С обеих сторон от пола до потолка высились книжные стеллажи, заставленные фолиантами, рукописями и брошюрами. Центральный проход в глубине заслоняли два запертых стеклянных шкафа. За стеклами стояли обветшавшие книги в кожаных переплетах и нечто, что напоминало свитки или тубусы, завернутые в необычную белую бумагу.

Грей присмотрелся внимательнее.

В воздухе в косых лучах утреннего света плясали пылинки. Чувствовался запах старины, сдобренной плесенью раритетных изданий. Как это похоже на Европу! Века и древность здесь – неотъемлемые атрибуты жизни.

И все же, несмотря на обветшалость, магазин выглядел уютно и мило. Милыми были даже изящные перегородки с цветными витражами и несколько приставных лестниц у книжных стеллажей. Но главное...

Грей издал глубокий вздох облегчения: ни одной кошки!

В ту же минуту причина отсутствия маленьких пушистых тварей с острыми коготками стала очевидной. Из-за стеллажа вышла старая мохнатая собака с печальными карими

¹⁰ Египетский крест, Т-образная фигура, увенчанная кольцом, символ жизни в Древнем Египте.

глазами и обвисшими веками. Пес уныло ковылял, припадая на левую переднюю лапу: на суставе отчетливо выделялась большая опухоль.

– А вот и Бертал. – Девушка присела и вылила содержимое стакана в керамическую миску, стоящую на полу. – Паршивый пьянчуга с утра чувствует себя развалиной, пока не пропустит стаканчик кофе с молоком!

В ее словах слышалось искреннее восхищение.

Огромный сенбернар подошел к миске и с очевидным удовольствием принялся лакать.

– Вряд ли кофе собаке полезен, – осторожно заметил Грей.

– Бояться нечего. Он без кофеина.

Незнакомка перебросила косу за спину и скрылась в недрах магазина.

– Что у него с лапой?

Пытаясь поддержать непринужденную беседу, Грей потрепал пса по холке и был вознагражден дружеским ударом хвоста.

– Обморозился. Мутти подобрала его ужасно давно.

– Кто такая Мутти?

– Моя бабушка. Она вас ждет.

Из отдаленной части магазина послышался голос:

– Is het de Koper, Fiona?¹¹

– Ja, Mutti!¹² Покупатель из Америки. Говори по-английски.

– Пусть проходит.

– Мутти ждет вас в кабинете.

Фиона повела Грея в глубь магазина. Собака, покончив с утренним кофе, побрела за ними.

В центре магазина стоял небольшой кассовый аппарат, соединенный с компьютером и принтером. Оказывается, местные антиквары не чуждаются современности.

– У нас есть собственный веб-сайт, – похвасталась Фиона, заметив удивленный взгляд посетителя.

Миновав кассу, Грей со спутницей прошли через открытую дверь и попали в заднюю комнату. Обстановкой она напоминала скорее гостиную, нежели кабинет: софа, низкий стол, два стула. Одну из стен все же пожертвовали под ряды черных картотечных шкафов. Зарешеченное окно едва пропускало лучи утреннего солнца, освещавшие единственного находящегося здесь человека.

Хозяйка магазина протянула руку.

– Доктор Сойер! – Этот псевдоним присвоили Греду на время копенгагенского задания. Похоже, о нем наводили справки. – Я Гретта Нил.

Старушка крепко пожала протянутую руку и указала на один из стульев. Несмотря на бледность кожи, худенькая женщина так и светилась здоровьем, свойственным деревенским жителям. Ее манеры отличались той же простотой, что и одежда: темно-синие джинсы, бирюзовая блуза, скромные черные туфли-лодочки. Зачесанные назад длинные серебряные волосы подчеркивали строгий вид, но глаза искрились юмором.

– Вы уже познакомились с моей внучкой?

В английском Гретты звучал неискоренимый датский акцент.

Грей перевел взгляд с пожилой дамы на темную девушку. Ни малейшего родственного сходства... Впрочем, ему предстояло решить куда более серьезные проблемы.

– Да, мы знакомы, – ответил Грей. – Точнее, мы с вашей внучкой познакомились сегодня дважды.

¹¹ К нам покупатель, Фиона? (датск.)

¹² Да, Мутти (датск.).

– Ах, в один не очень прекрасный день любопытство доведет Фиону до беды! – Строгость ее замечания смягчила улыбка. – Она вернула вам бумажник?

Сдвинув брови, Грей похлопал себя по карману: пусто.

Фиона сунула руку в боковое отделение рюкзака и извлекла оттуда коричневый кожаный бумажник.

Грей припомнил, как Фиона толкнула его, выходя из магазина за кофе. Так значит, это была не просто неловкость, вызванная спешкой.

– Пожалуйста, не обижайтесь, – попросила Гретта. – Так она говорит «привет».

– Зато я проверила все его данные, – пожала плечами Фиона.

– Тогда верни молодому человеку паспорт.

Грей проверил другой карман: пусто. Боже милосердный!

Фиона бросила ему небольшую синюю книжицу с американским орлом на обложке.

– Это все? – уточнил Грей, ощупывая себя сверху донизу.

Фиона снова пожала плечами.

– Еще раз прошу вас простить мою внучку. Соблюдая предосторожность, она порой может перестараться.

Грей озадаченно взирал на обеих женщин.

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

– Вы пришли узнать про дарвиновскую *Vijbel*, – констатировала Гретта.

– Библию, – перевела Фиона.

Гретта кивнула внучке. Они переглянулись, и Грей уловил в их взглядах скрытую тревогу.

– Я представляю покупателя, который интересуется вашей книгой, – подтвердил Грей.

– Да, мы в курсе. Вы весь вчерашний день расспрашивали знающих людей о заявках на аукцион Эргеншейна.

Грей удивленно поднял брови.

– Мы, библиофилы, живем в Копенгагене довольно тесным мирком. Новости распространяются быстро.

Грей нахмурился. А он-то считал, что действует осторожно.

– Именно ваша активность помогла мне принять решение выставить на аукцион дарвиновскую Библию. Все наше сообщество взбудоражено растущим интересом к научным материалам Викторианской эпохи.

– Самый удачный момент для продажи, – добавила Фиона слишком резко, как будто продолжая давно начатый спор. – Плата за аренду квартиры в последний месяц...

Гретта отмахнулась от слов внучки.

– Решение было нелегким. Библию приобрел еще мой отец в тысяча девятьсот сорок девятом году. Он хранил ее как сокровище. В книге записаны имена десяти поколений семейства Дарвинов – до рождения Чарлза, прославившего свой род. Кроме того, Библия интересна чисто с исторической точки зрения. Вместе с ученым она совершила кругосветное путешествие на борту судна ее величества «Бигль». Не знаю, известно ли вам, что некогда Чарлз Дарвин собирался поступать в семинарию. В этой Библии вы обнаружите суждения религиозного человека и представителя науки в одном лице.

Грей кивнул. Женщина, очевидно, старалась его заинтриговать. И все для того, чтобы привлечь к участию в аукционе? Или для того, чтобы подчеркнуть уникальность Библии и поднять на нее цену? Так или иначе, нужно повернуть ситуацию в свою пользу.

– А зачем Фиона за мной следила?

В голосе Гретты появилась усталость.

– Еще раз приношу свои извинения. Как я уже говорила прежде, в последнее время к литературным памятникам Викторианской эпохи возник повышенный интерес, а мир биб-

лиофилов тесен. Мы все знаем, что имели место сделки, которые... скажем, относились если не к черному рынку, то к серому.

– До меня тоже дошли такие слухи, – скромно вставил Грей, надеясь вытянуть побольше информации.

– Случалось, что некоторые покупатели отказывались выплачивать всю сумму или платили из незаконных доходов либо недействительными чеками. Фиона лишь пытается защитить мои интересы. Временами она заходит слишком далеко, проявляя таланты, о которых давно пора забыть.

Женщина строго подняла бровь, глядя на внучку.

У Фионы неожиданно проснулся горячий интерес к носкам собственных туфель.

– Год назад к нам пришел некий джентльмен, который целый месяц изучал мои материалы по происхождению книг и архивные документы. – Она кивнула на картотечные шкафы. – Вот только расплатился он за предоставленную привилегию краденной кредитной карточкой. Особенный интерес он проявлял к Библии Дарвина.

– Значит, моя предосторожность была не лишней, – упрямо вставила Фиона.

– Вы знаете, кто был тот джентльмен? – уточнил Грей.

– Нет, но я узнала бы его при встрече. Станный такой тип, очень бледный.

Фиона взвилась:

– Банк провел расследование: мошенник «наследил» от Нигерии до Южной Африки.

Потом следы затерялись.

– А чем вызвано столь тщательное расследование? – поинтересовался Грей.

Фиона вновь принялась рассматривать туфли.

Гретта строго посмотрела на внучку.

– Он имеет право знать.

– Мутти...

Фиона покачала головой.

– Что я имею право знать?

Фиона взглянула на Грея и отвела глаза.

– Если он расскажет остальным, Библия потеряет половину стоимости.

Грей поднял руку вверх.

– Я умею хранить тайну.

Гретта пристально посмотрела на него, прищулив глаза.

– До конца ли вы правдивы, вот о чем я размышляю, доктор Сойер.

Грей почувствовал, что обе женщины пристально его изучают. Наконец Гретта заговорила:

– Вскоре после того, как бледный джентльмен скрылся с полученными сведениями, кто-то незаконно проник в магазин. Ничего не украли, но взломали витрину, в которой мы обычно выставляли Библию Дарвина. К счастью, Библию и наиболее ценные предметы мы прячем на ночь в хранилище под полом. К тому же сработала сигнализация, и очень скоро прибыла полиция, вспугнув воров. Расследование ничего не дало, но мы-то знаем, кто за этим стоит.

– Альбинос паршивый, – пробормотала Фиона.

– С той ночи мы храним Библию в банковском сейфе. И все же за прошлый год к нам вламывались дважды. Преступник каждый раз отключал сигнализацию и обшаривал весь магазин.

– Кто-то искал Библию, – предположил Грей.

– И мы так думаем.

Грей начинал понимать. Вовсе не жажда денег стояла за желанием сбыть Библию. Фиона и Мутти хотели избавиться от источника неприятностей. Кто-то жаждал любым путем заполучить Библию. А значит, опасность грозила и новому хозяину книги.

Краем глаза Грей наблюдал за Фионой. Пусть и весьма своеобразным способом, но она всеми силами пыталась защитить бабушку. Даже сейчас глаза девушки тревожно горели. Ей явно хотелось, чтобы Гретта вела себя более осторожно.

– В частной коллекции, где-нибудь в Америке, Библия была бы в большей безопасности, – продолжила Гретта. – Неприятности, скорее всего, не пересекут океан.

Грей кивнул, инстинктивно догадавшись, что ему сделали весьма выгодное предложение. Хотя и с помощью туманного намека.

– Вы не пытались выяснить, почему ваш незнакомец одержим идеей заполучить Библию?

Теперь пришел черед Гретты задуматься.

– Такая информация сделает Библию еще привлекательней. Мой клиент оценит это, – надавил на нее Грей.

Гретта бросила на гостя быстрый взгляд, очевидно, заподозрив, что за его словами кроется ложь. В эту минуту в кабинет приковылял Бертал, жадно принялся к кексам на чайном столике, подошел к гостю и с тяжким вздохом повалился на пол, пристроив тяжелую морду на ботинок Грея.

Гретта вздохнула и прикрыла глаза, как будто одобрение пса подтверждало честные намерения покупателя. Напряженность, буквально витавшая в воздухе, заметно спала.

– Точно я не знаю. Могу только предполагать.

– Буду рад вас выслушать.

– Незнакомец пришел сюда в поисках информации относительно библиотеки, распроданной по частям вскоре после войны. Если быть точной, четыре предмета из этой коллекции сегодня выставлены на торги: записки ботаника Хуго Де Фриза, копия статей генетика Грегора Менделя и два текста, написанные рукой физика Макса Планка.

Грею был хорошо знаком этот список – он полностью совпадал с перечнем в записной книжке. Те самые научные труды, к которым так резко возрос интерес в кругах, пользующихся дурной репутацией. Кто вознамерился их купить и зачем?

– Можете ли вы рассказать мне что-нибудь еще об этой старинной библиотечной коллекции? У нее интересное происхождение?

Гретта поднялась с софы.

– Отец купил книгу в тысяча девятьсот сорок девятом году. У меня даже сохранилась квитанция с названием деревни и поместья. Попробую найти...

Она шагнула в круг света, падавшего из окна, и вытащила из шкафа средний ящик.

– Я не могу предоставить вам оригинал, но Фиона сделает для вас ксерокопию.

Пока женщина шелестела бумагами, Бертал приподнял голову с правого ботинка Грея. С громадной морды свисала нитка слюны. Пес издал утробный рык.

Однако угроза относилась не к гостю.

– Вот она.

Обернувшись, Гретта протянула пожелтевший лист бумаги, упакованный в прозрачный защитный конверт.

Грей оставил без внимания протянутую руку. Узкая тень пересекла круг света.

– На пол! Ложись!

Он бросился вперед, пытаясь дотянуться до старушки.

Сзади отрывисто гавкнул Бертал, чей рык заглушил звон разбившегося стекла.

Грей все-таки опоздал. Он успел только подхватить тело Гретты в тот момент, когда ее лицо превратилось в кровавое месиво. Снайпер стрелял через окно.

Грей опустил мертвую женщину на софу.

Фиона пронзительно закричала.

Раздался звон стекла, и через разбитое окно кто-то кинул в кабинет две канистры. Они ударились о стену и, подскакивая, покатились по полу. Грей вышвырнул визжащую Фиону из кабинета и сам выбежал следом.

Сзади ковылял пес.

Едва Грей затащил Фиону за книжный стеллаж, взрыв в кабинете разнес стену, превратив ее в груды битой штукатурки и деревянных щепок.

Стеллаж накренился и завис в неустойчивом положении – соседний шкаф не давал ему упасть. Грей прикрыл Фиону своим телом. Сверху на них посыпались горящие рукописи.

Из-за больной лапы старый пес не мог двигаться быстро. Взрывной волной Бертала отбросило к стене, там он и остался лежать без движения, с опаленным боком.

– Нужно выбираться, – сказал Грей, пытаясь встать так, чтобы Фиона не заметила несчастного пса.

Он вытащил ошеломленную девушку из-под накренившегося стеллажа. Позади них уже пылал огонь. Заработала система пожаротушения, скупно разбрызгивая застоявшуюся воду. Слишком мало, слишком поздно. И чересчур много вокруг сухой, как порох, бумаги.

– К главному входу! – приказал Грей.

Они с Фионой бросились вперед, но опоздали.

Прямо перед ними сверху упала стальная защитная решетка, перекрыв главную дверь и окна первого этажа. Грей успел заметить по обе стороны от входа движущиеся тени. Убийцы.

Он оглянулся. За ними росла стена пламени и дыма.

Грей и Фиона попали в огненную ловушку.

23 часа 57 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Монк нежился в постели. Его сознание балансировало на грани между блаженной действительностью и сладким сном. Когда страсть растворилась в ласковом шепоте и еще более нежных прикосновениях, они с Кэт перебрались с пола ванной комнаты на кровать. Простыни сплелись вокруг обнаженных тел, но не было сил освободиться от этих пут.

Монк лениво водил пальцем по округлой груди Кэтрин. Мягкая ступня женщины ответно ласкала его ногу.

Блаженство.

Казалось, это чувство ничто не в силах разрушить...

Пронзительная трель мгновенно разбудила любовников.

Звук доносился с той стороны кровати, где Монк сбросил тренировочные брюки, вернее, выскользнул из них. Пейджер был прикреплен к эластичному поясу. Монк точно помнил, что, вернувшись с вечерней пробежки, переключил это маленькое чудовище на режим вибрации. Только один звонок мог нарушить заданную функцию.

Срочный вызов из Центра.

На ночном столике с другой стороны кровати второй пейджер, принадлежавший Кэт, зазвонил созвучной трелью.

Любовники тревожно переглянулись.

– Вызов из Центра, – констатировала Кэт.

Монк наклонился, подхватил пейджер, а за ним и брюки, затем поднялся с кровати и подошел к телефону. Кэт прикрыла простыней обнаженную грудь, словно для того, чтобы позвонить в Центр, требовалось соблюдать строгие приличия. Монк набрал номер прямой линии подразделения «Сигма». Ответили немедленно.

– Капитан Брайент? – произнес Логан Грегори.

- Никак нет, сэр. Монк Коккалис. Кэт... капитан Брайент находится рядом со мной.
- Вы оба должны срочно прибыть в Центр.

Логан кратко изложил ситуацию.

Монк выслушал и кивнул.

- Немедленно выезжаем.

Закончив разговор, он положил трубку.

Кэт нахмурилась, встретившись с ним взглядом.

- Что случилось?

- Неприятности.

- С Греем?

– Нет. Я уверен, что у него все в порядке. – Монк натягивал костюм. – Он сейчас, наверное, отлично проводит время с Рейчел.

- Тогда...

- Что-то неладно в Непале, с директором Кроу. Детали неясны. Похоже, там эпидемия.

- Директор Кроу сам сообщил?

– В том-то и дело. Последнее сообщение от него получено три дня назад, затем буря прервала связь. Поэтому наши не слишком беспокоились. А теперь вдруг появились слухи об эпидемии, смерти и какой-то смуте.

Кэт широко раскрыла глаза.

- Логан вызвал всех в штаб.

Кэт спрыгнула с кровати и потянулась за одеждой.

- Что же там такое творится?

- Ничего хорошего, это уж точно.

9 часов 22 минуты

Копенгаген, Дания

- Здесь есть выход наверх? – спросил Грей.

Застыв на месте, Фиона смотрела на закрытую решетку немигающим взглядом. Девушка явно находилась в шоковом состоянии.

– Фиона... – Он встал прямо перед ней, нос к носу, так, чтобы она видела только его лицо. – Фиона, мы должны выбраться отсюда.

У нее за спиной быстро разрасталось пламя, пожирая стопки книг и сухие сосновые полки. Огонь уже доставал до потолка. Дым клубами поднимался вверх. Беспольные автоматические разбрызгиватели системы пожаротушения продолжали выбрасывать слабые струйки воды, которая только добавляла к едкому дыму удушливый пар.

Становилось все жарче. Взяв в руки ладони Фионы, Грей почувствовал, что девушка дрожит.

- Здесь есть выход на верхний этаж?

Фиона подняла на него глаза. Пелена дыма уже затягивала потолок.

- Там несколько старых комнат. Чердак...

- Да. Отлично. Мы можем туда подняться?

Она покачала головой, сперва медленно, потом более уверенно: осознание опасности возвращало ее к жизни.

– Нет. Единственная лестница... – Она слабо махнула рукой в сторону горячей комнаты. – В задней части дома. Снаружи.

Стена огня подступала все ближе, пепел кружил вокруг них, забиваясь в нос и рот.

Грей выругался про себя. До того как дом разделили на магазин и верхние жилые комнаты, внутри тоже была лестница. Сейчас же... Приходилось импровизировать на ходу.

- Топор у вас есть?

Фиона потрясла головой.

– А лом? Чем вы открываете деревянные ящики?

Помедлив, девушка кивнула.

– Рядом с кассой.

– Стой здесь.

Грей двинулся вдоль левой стены, где оставался свободный проход к кассовому аппарату. Пламя не успело туда подобраться.

Фиона побежала следом.

– Я велел тебе оставаться на месте.

– Я знаю, где этот чертов лом! – огрызнулась она.

Грей почувствовал, что за злостью она пытается скрыть страх. Все лучше, чем оцепенение. К тому же Пирс тоже был в ярости. Он бранил себя на чем свет стоит: сначала прокололся, позволив девчонке себя выследить, а теперь угодил в западню, устроенную неизвестными наемными убийцами. Он слишком расслабился, мечтая о Рейчел, перестал думать о задании, потерял бдительность... В результате в опасности оказался не только он сам.

Фиона обогнала Грея, задыхаясь от дыма, часто моргая покрасневшими глазами.

– Здесь.

Она перегнулась через стол, пошарила рукой и вытащила длинный стальной лом.

– Идем. – Грей повернулся навстречу подступающему пламени, стащил с себя шерстяной свитер и протянул Фионе, затем забрал у нее лом. – Намочи хорошенько мой свитер. Вот под этим разбрызгивателем. – Он указал ломом вверх. – И свой тоже намочи.

– Что ты собираешься делать?

– Попробую соорудить лестницу.

Грей влез на приставную стремянку и ткнул ломом в один из стальных листов на потолке. Дым разъедал глаза, но нельзя было упускать единственный шанс выбраться отсюда. Лист легко отошел и отогнулся в сторону. Как и ожидал Грей, под навесным потолком магазина скрывался дощатый пол верхнего помещения.

Грей забрался на самый верх приставной лестницы, перелез на верхнюю полку стеллажа и вогнал лом между двумя досками, а затем нажал на него, используя как рычаг. Дерево поддалось, но все же отверстие получилось не больше мышиной норки.

Глаза слезились, душил кашель. Плохо дело. Придется соревноваться в скорости с дымом, а тот становился все гуще.

Грей никогда еще не работал в таком бешеном темпе.

Фиона намочила платок и завязала его так, чтобы закрыть рот и нос, став похожей на налетчицу. Потом она забралась наверх по приставной лестнице, держа в руках мокрый дорогой свитер Грея. Свой она тоже намочила и теперь казалась маленьким мокрым щенком. Грей увидел, что девчонка моложе тех семнадцати лет, которые он дал ей поначалу. Пожалуй, ей не больше пятнадцати. Глаза Фионы покраснели от дыма, и все-таки взгляд светился надеждой.

Грей накинул на себя свитер и завязал рукава вокруг шеи. Краем мокрого ворота он ухитрился прикрыть рот и нос, пытаясь защититься от горячего дымного воздуха.

Чувствуя, как вода стекает по спине, он встал на колени, продолжая атаковать неподатливые доски. Мешали трубы и провода, которые шли вдоль стены до самого потолка. Да уж, раньше ремонт делали куда более аккуратно.

Наконец Грей обнаружил щель среди плотно уложенных досок – здесь когда-то проходила лестница на верхний этаж.

Но насколько плотно заделали проем?

Существовал только один способ это проверить.

Грей выпрямился и, аккуратно ступая по стеллажу, продвинулся ближе к отверстию. К сожалению, предстояло идти вглубь магазина, где бушевало пламя.

– Куда ты? – тревожно крикнула Фиона.

На объяснения не хватало времени. Дым становился все гуще, жар опалял, словно пламя открытой домны. Однако Грею удалось подобраться под старый лестничный проем.

Стеллаж под ногами загорелся.

Нельзя было терять ни минуты.

Размахнувшись, Грей ударил ломом снизу вверх. Готово!

Лом легко прошел тонкую преграду из оргалита и плитки. Дешевка, на это он и надеялся. Нужно благодарить Бога за безответственность современных строителей.

Подгоняемый жаром, Грей орудовал ломом, как машина. Вскоре образовалась дыра, достаточная для того, чтобы в нее можно было пролезть.

Грей обернулся и махнул рукой Фионе.

– Можешь сюда забраться?

– Я видела, как ты лез.

Внизу что-то треснуло. Стеллаж покачнулся.

Пламя, пожиравшее основание стеллажа, быстро разрушало шаткую опору, которая скоро не сможет выдерживать вес Грея. Он подобрался к пролому в потолке и почти повис, держась за один его край, ослабив нагрузку на полки.

– Скорее!

С трудом балансируя, расставив руки в разные стороны, девушка шла по верху книжного стеллажа. Оставалось пройти не больше метра.

– Скорее!

– Слышу...

Неожиданно стеллаж, на котором стоял Грей, громко затрещал и ухнул вниз. Грей едва успел ухватиться за края пролома. Вверх взметнулся новый вихрь пламени и пепла.

Фиона вскрикнула. Стеллаж под ней дрогнул, но устоял.

Повиснув на руках, Грей крикнул:

– Прыгай ко мне! Хватай меня за плечи.

Девушку не потребовалось уговаривать: доски под ней ходили ходуном. Она прыгнула и обхватила Грея руками за шею, а ноги сцепила вокруг его талии. От толчка он чуть не сорвался вниз.

– Сможешь пролезть в дыру?

– Я... Наверное, смогу.

Она еще мгновение висела на нем не двигаясь.

Острые края пролома врезались в руки.

– Фиона...

Грей почувствовал, как она вздрогнула. Девушка уперлась ногой в ремень на поясе его брюк и с ловкостью обезьяны вскарабкалась наверх, очутившись в мгновение ока на втором этаже.

Внизу полыхали книги и книжные полки.

Грей подтянулся на руках, протиснулся в отверстие и распластался на полу. И застыл посередине коридора, переводя дух.

– Сюда пожар тоже добрался, – прошептала Фиона, будто опасаясь привлечь внимание огня.

В задней части помещения мерцало пламя. Дым в верхних комнатах оказался еще более густым, чем внизу.

– Вперед, – приказал Грей, и гонка продолжилась.

Издали доносился вой сирен. В щель между ставнями было видно, что на улице собралась толпа зевак. Среди них, вероятно, прячется стрелок, а может, и не один.

Если Грей и девушка вылезут из окна, их сразу заметят.

Фиона тоже разглядывала толпу:

– Они нас не спасут, верно?

– Значит, будем выбираться сами.

Грей посмотрел вверх и заметил мансардное окно, которое рассматривал, сидя в кафе. Нужно вылезти на крышу.

Фиона догадалась о его намерении.

– В соседней комнате есть складная лестница. – Она тут же кинулась туда. – Я частенько забиралась сюда почитать, когда Мутти...

Голос девушки дрогнул.

Грей понимал, что она не скоро забудет смерть бабушки, и положил ладонь девушке на плечо, но Фиона сердито сбросила его руку и отстранилась.

– Сюда!

Она вошла в комнату, прежде служившую гостиной. Сейчас здесь стояли несколько ящиков и потрепанный выцветший диван.

Старый канат свисал с потолка, привязанный одним концом к дверце люка, ведущего на крышу. Грей потянул за трос, и на пол к его ногам упала складная деревянная лестница. Он полез первым, Фиона за ним.

Чердак так и не обустроили до конца. В пустом помещении не было ничего, кроме крысиного помета. Яркий свет проникал через мансардные окна: одно из них выходило на улицу, другое – на задний двор. Хотя здесь было дымно, огонь сюда пока не добрался.

Снизу веяло жаром, фиберглас начал плавиться.

Подойдя к окну, Грей посмотрел вниз. Разглядеть задний двор магазина мешал конек крыши. Хотя, если Грей не видит людей, значит, и они не видят его. К тому же дым, валивший из разбитых окон первого этажа, обеспечивал дополнительное прикрытие.

Невероятно: пожар помогал беглецам! Где это видано?

Грей распахнул окно. Выждал мгновение. Никто не стрелял. На улице слышался вой сирен. Пожарные машины спешили к горящему дому.

– Первым пойду я, – прошептал Грей на ухо Фионе. – Если путь свободен...

Сзади раздался низкий гул.

Беглецы обернулись. Огромный язык пламени вырвался из пола в центре чердака. Времени оставалось все меньше.

– За мной! – приказал Грей.

Он высунулся из окна, и в лицо подул прохладный ветерок. После бесконечной духоты пожара воздух на улице показался кристально чистым.

Кровельная черепица шла под уклон, но, к счастью, не скользила под подошвами ботинок. Грей посмотрел на северный скат крыши. Промежуток между рядами домов был не более трех футов. Можно перепрыгнуть.

Удовлетворенный осмотром, Грей повернулся к Фионе.

– Порядок. Будь осторожна.

Девушка высунула из окна голову, осмотрелась и вылезла на крышу. Пригнувшись, почти на четвереньках, она двинулась вперед.

– Ты все делаешь правильно.

Фиона подняла глаза, на миг отвлеклась и, не заметив треснувшую черепицу, зацепилась за нее ногой. Девушка потеряла равновесие, упала на живот и заскользила вниз.

Грей ринулся к ней на помощь, но его пальцы схватили воздух.

Девушка отчаянно пыталась удержаться. Осколки черепицы, со стуком подпрыгивая, катились вниз, постепенно превращаясь в лавину.

Грей распластался на животе, не в силах ничем помочь.

– Желоб! – запоздало крикнул он. – Хватайся за желоб!

С края крыши посыпалась битая черепица. Осколки падали на мощеный двор и разбивались со звуком взорвавшейся петарды.

Потом Фиона, взмахнув руками, соскользнула с края кровли.

И пропала из виду.

3 Укуфа

10 часов 20 минут

Природный заповедник Хлухлуве-Умфолози

Зулуленд, Южная Африка

На другом краю света, за шесть тысяч миль от Копенгагена, по нехоженным диким просторам Южной Африки катил открытый джип.

Несмотря на ранний утренний час, иссушающая жара властно вступала в свои права, развешивая над саванной дрожащее марево миражей. В зеркале заднего вида мелькали выжженные солнцем бескрайние дали и заросли колючего кустарника. Впереди высился небольшой холм, густо поросший кривыми акациями.

– Мы не заблудились? – спросил Кхамиси Тейлор, до упора вывернув руль, чтобы проскочить через высохшее русло реки.

Пыль поднялась столбом.

Доктор Марсия Фэрфилд привстала с переднего сиденья, придерживаясь рукой за край ветрового стекла, чтобы не упасть, и указала рукой вперед:

– Поворачивайте на запад. Там будет глубокая впадина.

Кхамиси переключил передачу и повернул вправо. Как инспектор по охране дичи охотничьего заповедника Хлухлуве-Умфолози, он был обязан соблюдать установленные правила. Браконьерство – не просто серьезное правонарушение, это суровая реальность. Особенно в отдаленных уголках заповедника.

Соплеменники зулусы тоже порой прибегали к традиционным видам охоты. Приходилось перевоспитывать даже некоторых старых друзей дедушки. За это старики наградили его прозвищем, которое можно было перевести с языка зулу как Жирный. Вслух прозвище произносили с легкой насмешкой, но Кхамиси понимал, что под улыбкой кроется неприязнь – нечего братья за работу белого человека!

Его считали прихвостнем, который жирует за чужой счет. К тому же в родных местах он по-прежнему оставался почти чужаком, потому что в двенадцать лет, после смерти матери, отец увез мальчика в Австралию. Добрую половину жизни Кхамиси провел на окраине города Дарвина, даже проучился два года в университете в Квинсленде. И вот теперь, в двадцать восемь лет, вернулся, получив должность инспектора по охране дичи, наполовину благодаря своему образованию, наполовину – старым связям с местными племенами.

И сразу заработал кличку Жирный.

– Нельзя ли ехать быстрее? – требовательно спросила пассажирка.

Доктор Марсия Фэрфилд, сидящая женщина-биолог из Кембриджа, пользовалась в заповеднике большим уважением. Она участвовала в проекте сохранения носорогов Рино, и за это ее частенько называли «носорожьей Джейн Гудолл»¹³. Кхамиси нравилось с ней работать. Может быть, ему импонировала простота ее облика: от выцветшей куртки-сафари цвета хаки до серебристых седых волос, собранных на затылке в простой хвост. А может быть, завораживала ее увлеченность работой.

– Даже если самка умерла при родах, детеныш мог остаться в живых. Вот только долго ли он протянет? – Женщина стукнула кулачком по краю ветрового стекла. – Только бы не потерять обоих.

¹³ Знаменитая исследовательница человекообразных обезьян.

Инспектор по охране дичи Кхамиси хорошо ее понимал. По сравнению с семидесятыми годами двадцатого века популяция африканских черных носорогов уменьшилась на девяносто шесть процентов. Заповедник Хлухлуве-Умфолози делал все возможное, чтобы спасти редких животных. Национальный парк считал эту работу своей главной задачей. Каждый черный носорог был здесь на счету.

– Мы нашли ее благодаря вживленному радиомаяку, – продолжала доктор Фэрфилд. – Заметили с вертолета. Однако если самка родила, детеныша нам не отыскать.

– Разве малыш не остается рядом с матерью? – спросил Кхамиси.

Он сам не раз находил детенышей диких зверей. Два года назад пару львят подобрали у остывшего трупа матери, застреленной спортсменом-браконьером.

– Нам нужно обязательно их найти. Труп матери привлечет хищников. Если детеныш останется рядом с мертвой самкой, весь в крови после родов...

Кхамиси кивнул, нажал на газ и поехал вверх по каменистому склону. Из-под задних колес полетели камешки.

С возвышенности их взорам открылась местность с глубокими лощинами и журчащими ручьями. Растительность стала гуще, появились античные сикоморы и махагониевые деревья. Здесь, в стороне от туристских маршрутов и путей миграций животных, располагалась одна из немногочисленных «влажных» зон заповедника, самая отдаленная. Сюда пускали только тех, кто получил специальное разрешение. Да и то счастливчики должны были строго соблюдать бесчисленные правила: передвигаться при дневном свете, не устраивать ночных стоянок... Зеленая территория простиралась вдоль всей западной границы заповедника.

Направив джип вниз, Кхамиси осматривал горизонт. Впереди, на расстоянии мили, долину пересекала изгородь. Черная ограда высотой в три фута отделяла парк от территории соседнего владения. Частные заповедники, нередко имеющие общие границы с государственными природными парками, предлагали обеспеченным клиентам куда более захватывающие приключения.

Однако этот частный заповедник отличался от прочих.

Хлухлуве-Умфолози, самый старый природный парк в Африке, был основан в 1895 году. Соседствующий с ним частный заповедник также можно было назвать старейшим. Землей владела ныне здравствующая династия основателей Южно-Африканской Республики: клан Вааленбергов, одна из истинно бурских семей, чьи корни уходили в глубь семнадцатого столетия. Их заповедник занимал довольно большую территорию и буквально кишел дикими животными. Здесь обитали не только представители «большой пятерки», то есть слоны, носороги, леопарды, львы и капские буйволы. В заповеднике водились нильские крокодилы, гиппопотамы, гепарды, гиены, шакалы, жирафы, зебры, водяные козлы, антилопы гну, куду, импалы, болотные козлы, бородавчники и бабуины. Поговаривали, что Вааленберги, сами того не зная, воссоздали у себя в заповеднике стадо редких окапи задолго до того, как эти родственники жирафа были вторично открыты учеными в 1901 году.

Однако вокруг заповедника всегда ходили мрачные слухи. Попасть туда можно было только на вертолете или небольшом самолете. Дороги, что прежде вели к нему, давным-давно заросли, превратились в непроходимую чащу. Среди немногочисленных посетителей преобладали знаменитости со всего света. Говорят, что там однажды охотился Тедди Рузвельт, после чего создал систему национальных парков Соединенных Штатов по образу и подобию хозяйства Вааленбергов. Кхамиси многое бы дал за возможность провести день в загадочном заповеднике.

Увы, подобное право предоставлялось только главному инспектору национального парка Хлухлуве-Умфолози. Поездка по владениям Вааленбергов была лишь одной из привилегий человека, занимавшего сей высокий пост, хотя и от него требовалось письменное

обязательство хранить все увиденное в тайне. В глубине души Кхамиси лелеял надежду, что в один прекрасный день удостоится такой же чести.

Впрочем, что толку надеяться, с его-то черной кожей!.. Зулусское происхождение и хорошее образование помогли Кхамиси получить работу, но с падением системы апартеида исчезли далеко не все трудности. Давние традиции трудно уничтожить. Огромное достижение уже то, что он вообще получил свой пост. Дети, родившиеся в племенах и практически необразованные, жили под гнетом запретов и сегрегации. Потерянное поколение. Поэтому Кхамиси делал все возможное, чтобы проложить дорогу тем, кто придет после него.

Ради этого он даже согласен на прозвище Жирный.

– Вон туда! – крикнула доктор Фэрфилд, неожиданно вернув Кхамиси к реальности. – Возьмите левее, поезжайте к тому баобабу у подножия холма.

Крупные белые цветы печально свисали с ветвей гигантского дерева. Слева от могучего ствола виднелась чашевидная впадина. На самом дне ее сверкала влага – это был небольшой естественный водоем, куда животные приходили на водопой.

В парке местами встречались родники – и природные, и созданные человеком. Прекрасные места для наблюдения за представителями дикой фауны и в то же время крайне опасные для пешех прогулок. Кхамиси затормозил под деревом.

– Дальше придется идти пешком.

Доктор Фэрфилд кивнула. Оба, не сговариваясь, взяли винтовки. Доктор Фэрфилд и Кхамиси посвятили жизнь охране природы, и им хорошо были знакомы опасности, подстерегающие человека на засушливых плато, к востоку от Драконовых гор.

Выйдя из джипа, Кхамиси повесил на плечо двуствольную винтовку. В густом лесу инспектор предпочитал ее любому другому оружию, она могла остановить даже разъяренного слона.

Они начали спускаться по склону, путаясь в колючих зарослях цепкой корзиночной травы и уклоняясь от острых листьев кустарника. Сомкнувшиеся вверху кроны деревьев защищали от лучей солнца, бросая на землю глубокую тень. Стояла необычная, напряженная тишина. Не щебетали птицы, не верещали обезьяны, молчание нарушали только жужжащие и стрекочущие насекомые. Кхамиси насторожился.

Доктор Фэрфилд достала карманное устройство спутниковой навигации.

Поискам помог усиливающийся запах гниющего мяса. Скоро нашелся и источник смрада – в тени лежала туша животного.

Самка черного носорога весила никак не меньше трех сотен фунтов. Экземпляр чудовищных размеров.

– Боже всемогущий! – воскликнула доктор Фэрфилд, прикрывая нос носовым платком. – Когда Роберто увидел труп с вертолета...

– На земле падаль всегда выглядит хуже, – кивнул Кхамиси.

Раздувшийся труп самки носорога лежал на левом боку. При приближении людей в воздух поднялось черное облако мух. Газы разложения разорвали брюхо, кишки вывалились наружу. Даже не верилось, что совсем недавно все они прекрасно умещались в брюшной полости животного. Кровавый след на земле свидетельствовал о том, что самый лакомый кусок хищники уволокли в густые заросли.

Покружив, мухи вновь опустились на труп.

Кхамиси перешагнул через недоеденный кусок печени. Заднюю ногу животного, казалось, одним движением вырвали из тазобедренного сустава. Какой же силой должны обладать челюсти того, кто сумел это сделать! Тут даже матерому льву пришлось бы немало потрудиться.

Одно щетинистое ухо носорога было откушено, глотка разорвана. Безжизненные черные глаза, широко раскрытые, будто застывшие в ужасе, в упор смотрели на подошедшего человека. Широкий язык вывалился из пасти, вокруг него растеклась лужица крови.

Над ноздрями самки, покрытыми пеной, круто вверх загибался кривой рог.

– Зверя убил не браконьер, – пришел к выводу Кхамиси.

Рог остался на месте, его не отпилили. А ведь именно он был главной причиной быстрого сокращения популяции носорогов. Порошком из носорожьих рогов, так называемым лекарством от эректильной дисфункции, или гомеопатической «Виагрой», до сих пор бойко торговали на азиатских рынках.

Прислонив винтовку к телу животного, доктор Фэрфилд присела по другую сторону туши, натянула резиновые перчатки.

– Не похоже, что самка родила.

– Значит, одним детенышем-сиротой меньше.

Биолог обошла тушу вокруг и вернулась к брюху. Не выказав ни малейшего признака безразличия, оттянула кверху край разорванной брюшины и засунула руку внутрь.

Кхамиси отвернулся.

– Почему ее до сих пор не обглодали дочиста падальщики? – не отрываясь от работы, задумчиво проговорила доктор Фэрфилд.

– Уж очень много здесь мяса, – пробормотал Кхамиси.

Инспектор снова обошел тушу. Непривычная тишина усиливала полуденный зной. Женщина продолжала исследовать труп.

– Не думаю, что причина в этом. Тело лежит здесь с прошлой ночи, рядом с источником воды. Шакалы должны были растащить хотя бы внутренности.

Кхамиси еще раз осмотрел тушу, пристально изучил оторванную заднюю ногу, разорванное горло. Самку убил очень сильный и быстрый зверь... Волосы у инспектора на затылке встали дыбом. И куда подевались животные-падальщики?.. Прежде чем он успел снова впасть в задумчивость, заговорила доктор Фэрфилд:

– Детеныша мы потеряли.

– Что? – Кхамиси обернулся. – Вы вроде сказали, что самка не родила.

Доктор Фэрфилд выпрямилась, стянула перчатки и взяла в руки винтовку. Не отрывая взгляда от земли, биолог отошла в сторону от трупа. Кхамиси догадался, что она идет по кровавому следу: зверь вытащил из брюха самки самое лакомое и утащил, чтобы попить без помех. О боже... Доктор Фэрфилд раздвинула нижние ветки кустов и обнаружила то, что неизвестный хищник извлек из брюха самки: детеныша. Хрупкое тельце было разорвано на куски.

– Думаю, детеныш был еще жив, когда его вырвали из тела матери. – Биолог указала на кровавые брызги. – Бедняжка...

Кхамиси отступил, вспомнив вопрос, который она задала чуть раньше: почему никто из падальщиков не поживился внутренностями мертвого животного? Ни грифы, ни шакалы, ни гиены... даже львы их не тронули. Доктор Фэрфилд права. Не могли звери оставить так много мяса мухам и червям. Что-то тут не так. Если только... Сердце глухо стукнуло в груди.

Если только хищник не скрывается здесь до сих пор.

Кхамиси поднял винтовку. Его внимание вновь привлекла неестественная тишина. Как будто весь лес застыл в страхе перед тем, кто убил носорога. Замерев на месте, инспектор чутко прислушивался, словно сам был зверем.

Он вырос в Южной Африке, хорошо знал местные суеверия и слышал немало рассказов о таинственных чудовищах, населяющих джунгли. Ндалау – воющий людоед из лесов Уганды; мбилинту – гиппопотам размером со слона из болот Конго; мнгва – мохнатый зверь, подстерегающий человека в прибрежных кокосовых рощах.

Однако в Африке мифы порой обретают плоть. Как, например, нсуи-фиси. Это пятнистое чудовище-людоед долго считалось вымыслом белых поселенцев Родезии, пока спустя десятилетия ученые не обнаружили таинственного убийцу. Им оказался новый вид гепарда, которому присвоили громкое таксономическое название *Acinonyx* гех.

В ту пору, когда Кхамиси изучал джунгли, он встречал упоминание таинственного чудовища, известного всей Африке. У него было много имен: дубу, лумбуа, керит, гетет. Одно лишь только имя, произнесенное вслух, вызывало у местного населения крики ужаса. Хищник размером с гориллу проявлял поистине дьявольские проворность, коварство и жестокость. Столетиями охотники – белые и чернокожие – пытались его выследить.

– Укуфа... – пробормотал Кхамиси.

– Что вы сказали?

Доктор Фэрфилд по-прежнему склонялась над мертвым детенышем.

Так зулусы называли чудовище, о котором говорили только шепотом на ночевках у костров и в краалях.

Укуфа. Смерть.

Он знал, почему мысль о чудовище пришла ему в голову именно сейчас. Пять месяцев назад старик из племени рассказывал, что видел укуфу совсем недалеко отсюда.

«Полузверь, полупризрак, с глазами, полными огня!» – убежденно твердил старик.

Его рассказу поверили только старейшие соплеменники. Другие, подобно Кхамиси, насмехались над рассказчиком. Однако здесь, в тенистых зарослях...

– Нужно уходить, – решительно заявил инспектор.

– Но мы так и не выяснили, кто убил самку.

– Главное, что не браконьеры.

Большого Кхамиси знать не требовалось. Он махнул винтовкой в сторону джипа. Оставалось связаться по радио с главным инспектором, сообщить новости и закрыть это дело. Самку носорога убил хищник, а не браконьер. Труп оставлен падальщикам. Еще один жизненный цикл завершился.

Доктор Фэрфилд нерешительно поднялась.

Внезапно тенистые джунгли огласил дикий звериный крик, закончившийся на высокой ноте: «Уу-ииии-ооо!..»

Кхамиси задрожал, услышав этот вой. Звук отозвался в мозгу эхом рассказов у ночных костров о жестоких кровавых убийствах, пробудил родовую память о дремучих временах, когда люди еще не умели говорить и повиновались инстинктам.

Укуфа. Смерть.

Когда крик растаял в воздухе, вновь наступила тяжелая, неестественная тишина. Кхамиси мысленно прикинул расстояние до джипа. Нужно отступать, но без суеты. Паническое бегство только раззадорит кровожадного хищника.

В глубине джунглей снова раздался вой. А потом еще. И еще раз.

Кхамиси понял, что у них осталась единственная надежда на спасение.

– Бежим!

9 часов 31 минута

Копенгаген, Дания

Грей лежал на черепичной крыше, глядя туда, где секунду назад была Фиона. Перед его мысленным взором застыла картина: девушка, соскальзывающая со ската крыши. Сердце глухо колотилось в груди.

«Господи, что я наделал...»

Из чердачного окна с ревом вырвался столб пламени и дыма. Несмотря на испытанное потрясение, Грей заставил себя действовать. Он встал, опираясь сначала на локти, потом на ладони.

В краткую минуту затишья снизу донеслись громкие голоса. Потом где-то у самого края крыши послышался негромкий стон. Фиона?!

Грей снова плюхнулся на живот и осторожно пополз к краю. Молясь о том, чтобы дым скрыл его от глаз снайпера, приблизился к водосточному желобу и посмотрел вниз. Прямо под желобом обнаружилась железная площадка...

Внешняя пожарная лестница, о которой рассказывала Фиона!

На лестничной площадке распласталась девушка. Она застонала, повернулась и хотела привстать, держась рукой за опору ограждения.

Посредине мощеного двора стояли двое мужчин: один держал в руке пистолет, другой винтовку. Клуб черного дыма вырвался из разбитого окна, скрыв Фиону. Снайпер ждал, когда девушка встанет.

Она посмотрела на Грея снизу вверх. Из рассеченной брови сочилась ярко-красная кровь.

– Не поднимай голову, – прошипел Грей.

Он знаком велел Фионе пригнуться, затем перекатился по крыше и оказался прямо над вторым стрелком. Поднимавшийся снизу густой черный дым помогал оставаться незамеченным. Внимание убийц было приковано к лестнице. Грей ждал, заняв удобную позицию, сжимая в кулаке тяжелую кровельную черепицу. Одну из тех, что сбила Фиона во время своего падения.

Все нужно сделать быстро. Грей знал, что второго шанса у него не будет.

Мужчина с пистолетом поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы. Грей перегнулся через край кровли и громко свистнул.

Стрелок поднял голову и упал на колено, ища новую цель. Чертовски проворно...

Грей метнул черепицу. Та просвистела в воздухе, словно боевой топор, и угодила прямо мехонько в лицо стрелка. Из рассеченного носа хлынула кровь. Стрелок рухнул на землю и ударился головой о булыжник. Больше он не двигался.

Грей перекатился в другую сторону, обратно к Фионе.

Мужчина с винтовкой что-то прокричал.

Грей надеялся, что, устранив одного убийцу, заставит другого отступить. Однако снайпер лишь отпрыгнул в сторону и укрылся за мусорным баком, по-прежнему держа лестницу под прицелом. Он выбрал выгодное место засады: рядом с горящей задней частью магазина, где его скрывал валивший из окон дым.

Грей дал знак Фионе лежать смирно. Если он попытается поднять ее наверх, им обоим придет конец. Снайперу хватит нескольких секунд.

Оставалось одно.

Оттолкнувшись рукой от водосточного желоба, Грей спрыгнул вниз, упал на стальную площадку и пригнулся. Выстрел из винтовки вдребезги разнес кирпич над его головой.

Грей выхватил из ножен под коленом кинжал.

– Как только скажу, беги по лестнице, потом через соседский забор. Найди первого же полицейского или пожарного. Ясно?

Фиона встретила с ним взглядом. Казалось, она хотела возразить, но потом сжала губы и кивнула. Хорошая девочка.

Снова судьба дает ему единственную попытку... Грей, не раздумывая, сиганул вниз.

– Беги! – крикнул он Фионе и метнул нож в прятавшегося за мусорным баком снайпера.

Грей не надеялся убить стрелка, хотел только выиграть время и подобраться ближе. В тесном пространстве маленького дворика винтовка не самое подходящее оружие.

Приземлившись, Грей услышал, как металлическая лестница звенит под ногами Фионы. Девушка убегала. Это хорошо.

В то же самое время он увидел, как его нож ударился о бок мусорного ящика и отскочил.

Снайпер появился из своего укрытия с винтовкой на изготовку, целясь прямо в грудь Грея.

– Нет! – закричала Фиона.

Природный заповедник Хлухлуве-Умфолози

Зулуленд, Африка

– Бежим! – повторил Кхамиси.

Марсию Фэрфилд не пришлось подгонять. Подбежав к водоему, Кхамиси махнул рукой, показывая, что женщине нужно идти вперед. Та молча встретила с ним взглядом и начала пробираться через высокий тростник, раздвигая руками колючие стебли.

Крик, который они слышали в лесу, мог издавать только крупный, мощный зверь, возбужденный кровавой охотой. Не важно, какие чудовища затаились в непроходимых зарослях у журчащих родников и глубоких оврагов, инспектор больше ничего не желал знать. Постоянно озираясь, боясь услышать звуки погони, он следовал за Марсией Фэрфилд.

Послышался всплеск. Кхамиси кинул быстрый взгляд на водоем, но оставил звук без внимания. Сосредоточившись, зулус пытался уловить посторонний шум – признак опасности.

Когда Кхамиси исполнилось шесть лет, отец начал учить его охоте. На этот раз Кхамиси сам стал преследуемой добычей.

Его внимание привлек шум крыльев и какое-то движение слева. В небо взметнулся испуганный сорокопут. За людьми кто-то крался.

Выбравшись из тростников, Кхамиси догнал женщину.

– Скорее, – прошептал он.

Доктор Фэрфилд вытянула шею, пытаясь разглядеть преследователя, а потом посмотрела вверх. Она тяжело дышала, лицо побледнело. Кхамиси проследил за ее взглядом: джип стоял наверху, в тени баобаба, на краю глубокой впадины. При подъеме склон показался куда круче.

– Не останавливайтесь!

Из леса на опушку выпрыгнула рыжевато-коричневая антилопа клипп-спрингер и вприпрыжку понеслась вверх по склону, только грязь из-под копыт полетела. Кхамиси захотелось последовать ее примеру.

– Они убивают не ради еды, – задыхаясь, произнесла вдруг доктор Фэрфилд.

Кхамиси продолжал следить за лесом.

– Ими движет не голод, – повторила она, словно хотела рассуждениями победить свой страх. – Они почти ничего не съели. Похоже на то, что они убивают ради удовольствия. Как домашняя сытая кошка, поймавшая мышь.

Кхамиси провел много времени бок о бок с хищниками. Он знал, что такое поведение не свойственно диким животным. Сытые львы почти не представляют угрозы, они мирно отдыхают и могут достаточно близко подпустить к себе человека. Лев не станет ради забавы разрывать горло самке носорога и выдирать из ее чрева детеныша.

Доктор Фэрфилд продолжала рассуждать вслух, как будто нависшая над ними опасность – не более чем головоломка, которую можно легко решить с помощью логики.

– Среди одомашненных животных лишь откормленная кошка охотится чаще, чем это необходимо. У нее хватает сил и времени на игру.

Так значит, то, что они видели, – игра? Кхамиси содрогнулся.

– Не останавливайтесь! – Ему не хотелось слышать продолжение рассказа.

Доктор Фэрфилд кивнула и замолчала, но ее слова не шли из головы инспектора. Какой хищник убивает ради развлечения и игры? Единственный ответ был очевиден.

Человек.

Тем не менее то, что они увидели у водооя, не было делом рук человека.

И снова внимание Кхамиси привлекло чуть заметное движение. Краем глаза, всего на долю секунды, он успел заметить, что в темном подлеске мелькнул неясный силуэт, растворившийся в воздухе облачком дыма. Вспомнились слова мудрого старика из племени: «Полузверь, полупризрак...»

Несмотря на жару, по коже пробежал холодок. Кхамиси ускорил шаг, почти подталкивая немолодую женщину вверх по склону. До вершины холма оставалось всего несколько шагов, а до джипа – метров тридцать.

И в этот момент доктор Фэрфилд поскользнулась.

Она упала на колено, потом опрокинулась навзничь и столкнулась с Кхамиси.

Не удержавшись, он кувырком скатился до середины крутого склона, где сумел-таки остановиться, упершись в землю каблуками и прикладом винтовки.

Доктор Фэрфилд осталась там, где упала, глядя перед собой расширившимися от страха глазами. Она смотрела не на инспектора.

На край леса.

Кхамиси резко повернулся, чтобы встать на колени. Внезапно нога подвернулась, лодыжку пронзила острая боль.

– Бегите! – крикнул он. Ключи остались в машине. – Бегите!

Доктор Фэрфилд поднялась. Ненадежный песок зашуршал у нее под ногами.

Со стороны лесной опушки донесся новый нечеловеческий крик – то ли вой, то ли смех, то ли рыдание.

Кхамиси взял винтовку и выстрелил наугад в сторону леса. От неожиданности испуганно вскрикнула доктор Фэрфилд. Кхамиси надеялся, что звук выстрела отпугнет и тех, кто затаился в подлеске.

– Садитесь в джип! Скорее! Не ждите меня!

В лесу снова воцарилась тишина. Судя по звукам, доктор Фэрфилд добралась до вершины склона.

– Кхамиси, – окликнула она инспектора.

Он рискнул оглянуться.

Доктор Фэрфилд шагала к джипу. В это мгновение взгляд инспектора привлекло едва уловимое движение в ветвях баобаба. Несколько белоснежных цветков, свисающих вниз, тихонько заколыхались.

Это не ветер.

– Марсия! – отчаянно закричал Кхамиси. – Нет!

У него за спиной раздался дикий вой. Доктор Фэрфилд повернулась к инспектору.

Нет!

Из тенистой кроны гигантского дерева выпрыгнул зверь. Стремительная тень упала на Марсию, и оба – охотник и добыча – пропали из виду. Кхамиси услышал леденящий кровь крик женщины, который внезапно оборвался.

И вновь повисла неестественная тишина.

Кхамиси еще раз осмотрел край леса. Смерть подстерегала его и снизу, и сверху. Оставалось только одно.

Не обращая внимания на резкую боль в лодыжке, он побежал вниз по склону.

Он просто отдался на волю скорости, скорее летел, чем бежал. Кхамиси приближался к подножию холма, изо всех сил стараясь не упасть. Оказавшись внизу, направил винтовку на

опушку леса и выстрелил второй раз, не надеясь отпугнуть хищников, а лишь желая выиграть немного времени. Наконец он выбрался на ровное место – и побежал, не останавливаясь. Нogu жгло огнем, сердце готово было выскочить из груди.

Кхамиси заметил или, вернее, почувствовал, что зверь движется у самой кромки леса. Среди листвы мелькнул светлый силуэт.

«Полузверь, полупризрак...»

Даже не сумев толком рассмотреть существо, Кхамиси уже знал, что не ошибся.

Укуфа. Смерть.

Не сегодня, мысленно взмолился он, только не сегодня!

Кхамиси напролом пролетел через заросли тростника и с разбегу нырнул в водоем.

9 часов 31 минута

Копенгаген, Дания

Выстрел снайперской винтовки заглушил крик Фионы.

В отчаянной попытке избежать смертельного ранения Грей метнулся в сторону, краем глаза увидев, как в разбитом окне мелькнул какой-то силуэт. Снайпер, видимо, заметил это движение на долю секунды раньше, отвлекся и потому промазал. Пуля обожгла левую руку Грея.

Вылетевшее из окна огромное существо приземлилось на мусорный бак, а оттуда прыгнуло к снайперу.

– Бертал! – взвизгнула Фиона.

Промокший до костей сенбернар сомкнул челюсти на запястье стрелка. Тот упал, винтовка отлетела в сторону.

Грей кинулся к оружию. Снайпер тем временем отшвырнул пса и обратился в бегство: перелетел через каменную садовую ограду и исчез.

– Подонок...

Подбежала Фиона, в руке сжимая пистолет.

– Второй, кажется, умер.

Она махнула рукой в сторону.

Грей закинул винтовку за плечо и отобрал пистолет. Девушка не спорила, сейчас ее больше занимал мохнатый спаситель.

– Бертал...

Нетвердой походкой, едва держась на ногах, Бертал подошел к хозяйке. Один бок мужественного пса был сильно опален огнем.

Грей посмотрел на горящий дом: каким чудом бедняге удалось выжить? Он вспомнил, где в последний раз видел Бертала: взрывом бомбы того оглушило и отбросило к стене. Должно быть, пес лежал под разбрызгивателем системы пожаротушения, потому и очнулся.

Девушка взяла в руки морду Бертала и прижалась к ней носом:

– Хорошая собака...

Грей с ней согласился. Он был в большом долгу перед псом и мысленно пообещал ему старбаксовского кофе без ограничений.

Ноги Бертала подогнулись, и сенбернар тяжело опустился на камни, все силы без остатка отдав борьбе с врагом.

Слева кого-то окликнули по-датски, высоко вверх ударила струя воды – это пожарные начали тушить заднюю часть магазина.

Грей не мог больше ждать.

– Мне пора.

Фиона поднялась, переводя взгляд с Грея на собаку.

– Оставайся с Берталом. – Грей сделал шаг назад. – Отвези его к ветеринару.

Взгляд Фионы стал колючим.

– А ты собираешься просто взять и уйти?

– Мне очень жаль.

Слабое извинение, если учесть, что им довелось пережить вместе: убийство бабушки, пожар, уничтоживший магазин, чудесное спасение, но Грей не находил подходящих к случаю слов, да и времени на объяснения не оставалось.

Он повернулся и зашагал к садовой ограде в дальней части двора.

– Давай-давай, катись отсюда! – крикнула вслед Фиона.

С пылающим лицом Грей перепрыгнул через ограду.

– Не уходи!..

Он быстро шел по улице. Бросать Фиону ужасно не хотелось, однако выбора не было. Лучше пусть держится от него подальше. У спасателей она найдет убежище и защиту. Пятнадцатилетней девочке не место рядом с командером Пирсом... И все же его лицо по-прежнему горело от стыда. В глубине души он признавался себе, что частично им двигало эгоистическое желание избавиться от ответственности.

Какая теперь разница! Дело сделано.

Быстро шагая по улице, Грей засунул пистолет за пояс и вытащил из винтовки патроны, потом на ходу зашвырнул ее за груды досок. Нужно срочно выехать из отеля и сменить легенду. Гибель Гретты и снайпера начнут расследовать. Доктору Сойеру пришла пора исчезнуть.

Однако сперва надо закончить еще одно дело. Грей достал из кармана сотовый телефон и набрал номер Центра. Спустя несколько секунд его соединили с Логаном Грегори, руководителем операции.

– У нас проблемы.

– Слушаю.

– Ситуация куда более серьезна, чем мы полагали. Убиты люди.

Грей коротко описал утренние события. Ответом ему было довольно продолжительное молчание.

– До прибытия подкреплений операцию, пожалуй, лучше свернуть.

– Пока я буду дожидаться помощи, мы упустим драгоценное время. Через несколько часов начнется аукцион.

– Не забывайте, что ваше прикрытие лопнуло, командер Пирс.

– Не уверен. Устроители аукциона считают меня назойливым, повсюду сующим свой нос, но достаточно заурядным покупателем из Америки. На аукцион придет множество людей, помещение хорошо охраняется. Я продолжу наблюдение и, возможно, сумею выяснить, что или кто стоит за нашим делом.

Грею очень хотелось добраться до старинной Библии, посмотреть на нее собственными глазами.

– Считаю такие действия ошибочными. Потенциальный риск выше вероятной выгоды, – отрезал Логан.

Грей начинал кипеться:

– Значит, я должен смириться с тем, что эти подонки хотели поджарить мне задницу?

– Командер!

Грей до боли в пальцах сжал телефон. Видно, Логан слишком засиделся в офисе, занимаясь бумажной работой. Расследование вышло за рамки простого сбора фактов и превратилось в серьезную операцию, в проведении которой теперь задействована вся «Сигма». По крайней мере, Грею хотелось бы, чтобы его поддерживал руководитель высочайшего уровня.

– Может, стоит привлечь директора Кроу?

Еще одна долгая пауза. Кажется, он сказал что-то не то.

– Боюсь, в настоящее время это неосуществимо, командер Пирс.

– Почему?

– Директор Кроу сейчас в Непале, и связаться с ним невозможно.

Грей нахмурился:

– В Непале? А что там в Непале?

– Коммандер, вы же сами его туда направили.

– Что?

И тут до Грея дошло: неделю назад он получил весточку от старого друга и сразу вспомнил прошлое – первые дни службы в «Сигме». Как и все агенты этого секретного подразделения, Грей имел за спиной опыт работы в спецчастях. В армию он поступил в восемнадцать, в двадцать один год стал рейнджером, то есть военнослужащим диверсионно-разведывательного подразделения. Затем попал под суд за нападение на старшего по званию, и прямо в военной тюрьме Ливенуорт Грея завербовали в подразделение «Сигма». С тех пор к нему относились с некоторой опаской. Справедливости ради нужно сказать, что у Грея была серьезная причина, чтобы ударить офицера, чья некомпетентность стала причиной трагической гибели детей в Боснии.

С другой стороны, гнев Грея имел глубокие психологические корни: Пирс вообще с трудом мирился с авторитетом людей старше его. Все началось еще с отца. Они никак не могли найти общий язык, а Грей отчаянно нуждался в мудром наставнике, который указал бы ему верный путь.

Таким наставником стал для него Анг Гелу.

– Вы хотите сказать, что директор Кроу поехал в Непал из-за моего друга, буддийского монаха?

– Пейнтер знает, как дорог вам этот человек.

Грей замедлил шаг.

Готовясь к поступлению в подразделение «Сигма», он провел четыре месяца в Непале у буддийского монаха. Именно благодаря Анг Гелу Грей составил свой собственный, уникальный учебный план. Он прошел ускоренный курс биологии и физики, получил диплом по обеим дисциплинам, а монах помог ему по-новому осмыслить свое существование, научил находить равновесие между противоположными жизненными сущностями – инь и ян, единицей и нулем – и благодаря этому жить в ладу с самим собой и в гармонии с миром. Способность глубже проникать в суть вещей в конечном счете помогла Грею противостоять демонам прошлого.

Ребенком он нередко оказывался в тупике, разрываясь между противоположными стремлениями. Несмотря на то что мать преподавала в католической школе и наполняла жизнь сына духовным смыслом, она, кроме того, была прекрасно образованным биологом и столь же свято верила в эволюцию и человеческий разум. Глубокая вера матери в науку легко уживалась с религиозностью.

Не таким был его отец, валлиец, подсобный рабочий на нефтяном промысле. В расцвете сил он попал в аварию, и с тех пор ему пришлось выполнять обязанности домохозяйки. Поэтому его поступками частенько руководили вспыльчивость и потребность в самоутверждении.

Яблочко от яблони недалеко падает.

Так продолжалось до тех пор, пока Анг Гелу не указал Грею иной путь, помогающий избегать крайностей. Путь отнюдь не короткий, зато самый верный. Грей до сих пор стремился следовать советам наставника, чувствуя себя в большом долгу перед ним.

Поэтому, когда неделю назад монах попросил о помощи, он не оставил его призыв без внимания.

Анг Гелу сообщал о странных исчезновениях людей и загадочных болезнях в одном из регионов у китайской границы. Помощи просить было не у кого: правительство Непала занималось в основном маоистскими мятежниками. Анг Гелу знал об участии Грея в неких операциях, скрытых завесой тайны, и поэтому связался с ним. Пирс, занятый текущим заданием, обратился к Пейнтеру Кроу. А теперь чувствовал себя так, словно спихнул ответственность на начальника.

– Я только попросил у Пейнтера послать туда кого-нибудь из начинающих, чтобы все проверить на месте. Наверняка можно было не ехать самому...

Логан его перебил:

– У нас выдалась передышка, затишье в делах.

Грей едва сдержал стон досады. Он понимал, что имел в виду Логан: та же самая передышка занесла Грея в Данию.

– И директор лично поехал в Непал?

– Вы же знаете Пейнтера, он не любит сидеть на месте, – раздраженно сказал Логан. – В результате у нас возникли затруднения: из-за бури на несколько дней прервалась связь, а теперь, когда все наладилось, от директора ни слуху ни духу. Как назло, по разным каналам поступают новые тревожные сведения. Все то же, о чем сообщал ваш друг: загадочный мор, бесчинства мятежников... И чем дальше, тем хуже.

Грею стала понятна тревожная нотка в голосе Логана. Похоже, не только в Дании возникли трудности. Пришла беда – отворяй ворота.

– Могу прислать к вам Монка, – сообщил Логан. – Они с капитаном Брайент сейчас едут в Центр, и уже через десять часов Монк приземлится в Дании. А пока давайте отбой.

– Но торги закончатся...

– Коммандер Пирс, все необходимые инструкции вами получены.

Грей поторопился договорить:

– Сэр, я уже установил скрытые камеры наблюдения на входе и выходе из аукционного дома. Нельзя же оставить ценные сведения без внимания!

– Хорошо, продолжайте наблюдения из безопасного места. Следите за всеми событиями, но больше ничего не предпринимайте. Вам ясно, коммандер Пирс?

Грей готов был заорать от злости, однако выбора у него не было. Нет смысла возражать, когда сам виноват в подобном развитии ситуации.

– После аукциона доложите обстановку.

– Есть, сэр.

Логан отключился. Грей побрел по Копенгагену, думая о том, что неприятности еще не закончились. Из головы не шли тревожные мысли о Пейнтере и Анг Гелу.

Что же, черт возьми, случилось в Непале?

4

Призрачные огни

11 часов 18 минут

Гималаи

– Вы точно знаете, что Анг Гелу убит? – переспросил Пейнтер.

Лиза кивнула в ответ. Она только что закончила рассказ о том, как покинула альпинистский лагерь на Эвересте, чтобы расследовать загадочное заболевание в монастыре Темп-Ок. Вкратце описала все ужасы, свидетельницей которых стала: помешательство монахов, взрывы, неуловимый снайпер.

Укрывшись вместе с Лизой в подземелье монастыря, Пейнтер тщательно обдумывал все услышанное. Тесный лабиринт не был рассчитан на человека его роста, приходилось стоять согнувшись, и все равно он постоянно задевал макушкой свисающие сверху пучки можжевельника, развешанного для просушки. Ароматные веточки монахи использовали во время молитвенных служб в главном храме. В том самом храме, который сейчас превратился в большой костер, возносящий огонь и дым к полуденному небу.

Безоружные Лиза и Пейнтер спрятались от пожара в подвале. Кроу задержался всего на секунду, чтобы прихватить тяжелое пончо и ботинки на меху. Он стал похож на воина из американского племени пекот, хоть мог считаться индейцем только наполовину. Пейнтер так и не вспомнил, куда подевалась его одежда. Необъяснимым образом из памяти стерлись три дня жизни, а вместе с ними испарились фунтов десять веса. Натягивая пончо, он обратил внимание, как сильно выпирают ребра. Должно быть, загадочная местная болезнь и его не пощадила. Хорошо хоть силы понемногу начинали возвращаться. А они могут вскоре понадобиться, ведь где-то рядом рыщет профессиональный убийца.

Поспешно спускаясь в лабиринт, Пейнтер слышал выстрелы: снайпер методично отстреливал монахов, которые пытались убежать из горящего монастыря. Доктор Каммингс описала нападавшего; определенно есть и другие. Впрочем, предположение, что на Темп-Ок совершили налет маоистские боевики, сразу вызвало у Пейнтера сомнение. Какая им польза от устроенной в монастыре бойни?

Кроу уже знал, что Лиза, врач альпинистской партии, готовилась к восхождению на Эверест, и исподтишка бросал на нее изучающие взгляды. Длинноногая, с атлетической фигурой, белокурые волосы собраны в хвост, обветренные щеки порозовели... Девушка боялась, поэтому норовила держаться ближе к спутнику и всякий раз вздрагивала, услышав приглушенный звук выстрела. И при этом никаких слез, суеты, причитаний! С такой силой воли она преодолет любые трудности. Только надолго ли ее хватит? Вон как дрожат пальцы, которыми она отодвинула мешавший ей пучок лимонного сорго, свисавший с потолка. Они шли вперед, все дальше забираясь в подземный лабиринт, где воздух благоухал ароматами высокогорных растений, собранных для приготовления курений в храме: розмарином, полынью, горным рододендроном, кхенпой (чудодейственной травой, что растет только на склонах гор вблизи монастыря Ганден).

Лама Кхемсар, настоятель монастыря, рассказал гостю о силе сотен душистых трав: одни очищали тело, другие пробуждали божественную энергию, третьи отгоняли дурные мысли, прочие исцеляли всевозможные болезни. Однако сейчас Пейнтер хотел вспомнить только одно: как дойти до выхода из коридора. Все монастырские здания соединял между собой подземный лабиринт. Во время сильных зимних снегопадов монахи переходили по его извилистым ходам из одного дома в другой. Пройти можно было и в сарай, что стоял на отшибе, в стороне от любопытных глаз.

Только бы добраться до него, там выйти наружу и спрятаться в деревеньке, находящейся в нижней долине. Необходимо срочно связаться с руководством «Сигмы». Беспокойные мысли вертелись в голове Пейнтера, и вместе с ними неожиданно закружился подземный лабиринт. Пейнтер Кроу оперся рукой о стену, пытаясь справиться с дурнотой.

– Что с вами? – подойдя, спросила Лиза.

Пейнтер сделал несколько глубоких вдохов, потом кивнул. С тех пор как он очнулся, его преследовали приступы дурноты и головокружения. Вроде бы они накатывали все реже. А может, ему только хотелось так думать.

– Что все-таки здесь происходит?

Девушка отобрала у Пейнтера ручку-фонарик, который на самом деле принадлежал ей (она нашла его в медицинской сумке), и направила луч света на спутника.

– Точно не знаю, но оставаться на месте нельзя.

Он хотел отойти от стены, но Лиза уперлась ладонью в его грудь, вглядываясь в лицо.

– У вас явный нистагм¹⁴, – сдвинув брови, негромко констатировала она.

– Что?

Она протянула ему флягу с холодной водой и заставила присесть на тюк сена. Пейнтер не возражал, хотя сено оказалось жестким, как камень.

– Я вижу заметный горизонтальный нистагм, то есть подрагивание глаз. Вы ударились головой?

– Кажется, нет. Это что, тревожный симптом?

– Сразу сказать трудно. Нистагм наблюдается при инсульте, рассеянном склерозе или после сильного удара по голове. Судя по приступам дурноты и головокружению, я бы предположила, что у вас поражение вестибулярного аппарата, внутреннего уха или центральной нервной системы. Скорее всего, временное.

Последние три слова она пробормотала неуверенно.

– Что вы подразумеваете под словами «скорее всего», доктор Каммингс?

– Зовите меня Лизой.

– Замечательно, Лиза. Так что означают ваши слова?

Девушка отвела взгляд.

– Вам необходимо пройти обследование. Нужно также изучить ваше состояние до появления нистагма, – ответила она. – Может быть, вы расскажете, как это началось?

Пейнтер сделал большой глоток. Если бы знать! При попытке хоть что-нибудь вспомнить в глазах возникала сильная резь.

– Я ходил в одну из ближайших деревень. Посреди ночи в небе над горами вспыхнули странные огни, хотя никакого праздничного фейерверка не было. К тому времени, когда я проснулся, огни исчезли, но утром все как один жители деревни жаловались на головную боль и тошноту. Я и сам чувствовал то же самое. Расспросил одного из старейшин об огнях. Тот сказал, что на протяжении нескольких последних десятилетий они периодически возникают в небе. Местные жители приписывают появление призрачных огней злым духам, обитающим высоко в горах.

– Злым духам?

– Старик показал мне, где появляются призрачные огни: над отдаленным горным районом, в труднопроходимом краю глубоких ущелий и ледяных водопадов, что тянутся до самой китайской границы. Монастырь Темп-Ок расположен на склоне горы, который смотрит на ту, ничейную землю.

– Значит, монастырь находится ближе к призрачным огням, чем деревня?

Пейнтер кивнул.

¹⁴ Непроизвольные быстрые движения глазных яблок, признак возможного поражения головного мозга.

– Через двадцать четыре часа в деревне погибли все овцы. Одни падали и умирали на месте, другие бились головами о стены до тех пор, пока не подошли. На другой день я вернулся в монастырь, страдая от головной боли и тошноты. Лама Кхемсар напоил меня каким-то чаем. Больше я ничего не помню. – Он снова глотнул из фляги. – Это было три дня назад. Потом я проснулся в запертой комнате. Пришлось выломать дверь, чтобы выбраться наружу.

– Вам повезло, – сказала Лиза, забирая у него флягу.

– Почему?

Она скрестила руки на груди.

– Повезло, что вы находились вдалеке от монастыря. Монахи пострадали куда сильнее. – Лиза посмотрела в сторону, как будто пыталась что-то увидеть сквозь стену. – Возможно, это какая-то форма радиации. Говорите, совсем близко китайская граница? Может, китайцы проводили ядерные испытания?.. Между прочим, вы так и не сказали, чем здесь занимались, мистер Кроу.

Он криво улыбнулся.

– Зовите меня Пейнтером.

На Лизу его уловка не произвела впечатления. При сложившихся обстоятельствах откровенность в пределах разумного показалась ему единственно правильным решением.

– Я работаю на правительство, на подразделение, называемое УППОНИР¹⁵, мы...

Она прервала его нетерпеливым движением пальцев, не расцепляя сложенных на груди рук.

– Я знакома с этим ведомством, сама однажды получила его грант. А при чем тут оно?

– Анг Гелу не только вас привлек к работе. Неделю назад он обратился к нам с просьбой проверить появившиеся в округе упорные слухи о загадочной болезни. Я срочно выехал, ознакомился на месте с положением дел, прикинул, каких специалистов необходимо сюда направить – врачей, геологов, военных, как вдруг разразилась сильнейшая снежная буря, надолго отрезавшая меня от мира.

– Что вам удалось выяснить?

– После предварительных опросов я заподозрил, что местные маоисты вызвали радиоактивное заражение местности в процессе изготовления «грязной бомбы». От китайцев действительно можно ожидать подобных экспериментов. Поэтому, пережидая бурю, я произвел замеры различных форм радиации. И ничего необычного не обнаружил.

Лиза смотрела на него так пристально, словно изучала неизвестного науке жука.

– Если вас поместить в лабораторию, – задумчиво произнесла она, – возможно, удастся ответить на некоторые вопросы.

Похоже, он для нее даже не жук, а подопытный кролик...

– Для начала нужно выжить.

Его слова вернули Лизу к реальности. Она посмотрела на потолок подземного лабиринта: что-то давненько не слышно выстрелов.

– Наверное, думают, что всех перебили. Если мы останемся здесь...

Пейнтер встал.

– Судя по вашему рассказу, нападение на монастырь тщательно спланировано. Значит, эти люди знают о подземных туннелях и непременно их обыщут. Остается только надеяться, что они подождут, пока не утихнет пожар.

– Выходит, нужно идти, – кивнула Лиза.

¹⁵ Defence Advanced Research Projects Agency – Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ Министерства обороны США, отвечает за разработку новых технологий для использования в военных целях. Создано в 1958 году в ответ на запуск в СССР первого искусственного спутника Земли (1957 г.).

– И постараться не оставлять следов.

Пройдя несколько шагов, Пейнтер почувствовал себя увереннее. Прекрасно. Выход должен быть где-то рядом.

Словно подтверждая его догадку, в лицо повеял ветерок, с сухим шелестом заколыхались пучки душистых растений. И тут же в Пейнтере проснулись унаследованный от предков инстинкт охотника и навыки, полученные при подготовке в спецчастях. Протянув руку назад, он схватил Лизу за локоть, заставляя девушку затаиться, и погасил фонарик.

Впереди что-то с силой ударило об пол, послышались гулкие шаги человека в тяжелых ботинках. Где-то хлопнула дверь. Прохладный ветерок пропал.

Теперь они не одни.

Убийца пригнулся, чтобы не задевать головой потолок подземного туннеля. Тут наверняка есть другие люди; только много ли их? Он закинул винтовку за спину и достал пистолет «Хеклер и Кох МК23», предусмотрительно сняв кожаные перчатки и оставшись в шерстяных. Замер, прислушиваясь.

И уловил едва заметный шорох и удаляющиеся шаги. Скорее всего, людей двое, может быть, трое. Он закрыл дверь, ведущую в сарай. С последним легким шелестом сквозняк прекратился, и воцарилась крошечная тьма.

Убийца надел очки ночного видения и включил ультрафиолетовую лампу, прикрепленную к плечу. Туннель перед ним засиял оттенками серебристо-зеленого цвета.

По стене тянулись полки, заставленные консервными банками и горшочками с янтарным медом. Торопиться нет нужды. Единственный оставшийся выход вел к пылающим развалинам. Тех помешанных монахов, которым достало соображения спастись от огня, он перестрелял.

Снайпер убивал из милосердия, чтобы облегчить страдания монахов. Несчастный случай, один из многих за последнее время, произошел потому, что Колокол прозвонил слишком громко.

Среди обитателей Granitschloss – Гранитного замка – целый месяц нарастало возбуждение, особенно перед самым несчастным случаем. Даже в уединенном жилище, которое сам для себя устроил убийца, он чувствовал, что в замке не все мирно, хоть и не придавал этому значения.

Затем произошел несчастный случай, и ему приказали исправить досадную оплошность, допущенную другими. Таков долг последнего из оставшихся в живых Sonnekcnige. Уделом рыцарей Короля-солнца стал упадок: сократились их ряды, понизился статус; их стали сторониться как досадного анахронизма. Пройдет совсем немного времени, и последние Sonnekcnige уйдут в небытие. Пусть так. Что ни делается, все к лучшему.

Наконец-то сегодняшняя миссия приблизилась к концу! Вскоре он возвратится в свою хижину, вот только очистит этот подземный коридор. Трагедию, произошедшую в монастыре, припишут банде мятежников. Да и кто, кроме безбожных маоистов, нападет на безобидный монастырь, не имеющий никакого стратегического значения? А для того, чтобы сомнений в этом ни у кого не осталось, все вооружение, даже пистолет, убийца подобрал из арсенала маоистских молодчиков.

С оружием на изготовку он крался мимо ряда открытых дубовых бочек, напряженно ожидая ловушки. Монахи, может быть, и сошли с ума, однако даже безумец, загнанный в угол, способен проявить чудеса коварства.

Впереди коридор сворачивал влево, и снайпер прижался к правой стене. Поднял на лоб прибор ночного видения – и коридор потемнел; снова опустил очки на глаза – и проход осветился зеленым сиянием. Каждого, кто прячется здесь, он увидит первым. Нет им спасения.

Он беззвучно скользнул за угол. Небольшая вязанка сена валялась поперек прохода, словно кем-то в спешке отброшенная. В коридоре – бочки, весь потолок завешан вениками из сухих растений. Ни звука, ни движения.

Снайпер занес ногу над лежащим тюком сена и перешагнул через него. Под каблуком предательски хрустнул можжевельный сучок. Да весь пол усыпан хрупкими ветками можжевельника: ловушка!

Он бросил взгляд назад, и внезапно мир перед его глазами превратился в мельтешащий калейдоскоп света. Усиленная прибором ночного видения, вспышка фотокамеры могла сравниться с яркостью сверхновой звезды. Снайпер на минуту ослеп – и все-таки машинально нажал на спусковой крючок. Оглушительно грянул выстрел.

Должно быть, беглецы хотели застать его врасплох и спрятались в темноте, дожидаясь, когда охотника выдаст хрустнувшая под ногой ветка. Он попятился, споткнулся о тюк сена и, падая, выстрелил. Это было ошибкой.

Воспользовавшись мигом смятения, кто-то подкрался к нему и толкнул. Снайпер рухнул навзничь на каменный пол, что-то вонзилось в бедро. Он ударил ногой вверх и услышал стон нападавшего.

– Уходим! – крикнул неизвестный мужчина, прижимая к земле руку снайпера с пистолетом. – Беги!

Напавший говорил по-английски, значит, это не монах. Послышались удаляющиеся шаги; второй беглец торопился в сторону люка, который вел в сарай.

– Scheisse!¹⁶ – выругался снайпер.

Он извернулся и стряхнул с себя нападавшего, словно тряпичную куклу: Sonnekцnige не чета обычным людям. Противник ударился о стену, быстро вскочил и бросился наутек, однако разъяренный снайпер ухватил нападавшего за ногу и дернул к себе.

Рыцарь Короля-солнца надавил большим пальцем на чувствительный нерв над ахилловым сухожилием, и мужчина вскрикнул – этот прием причинял невыносимую боль: ощущение такое, будто тебе сломали колено. Выпрямившись, снайпер за ногу подтянул противника к себе...

И вдруг силы иссякли. Улетучились, словно воздух из проколотого шарика. Верхняя часть бедра пылала огнем. Он посмотрел вниз: из ноги торчал не нож, а пластиковый шприц. Ему вкололи наркотик.

Воспользовавшись моментом, нападавший легко вырвался из его рук и ударился в бегство.

Снайпер не мог позволить ему уйти. Он поднял пистолет, ставший тяжелым, как наковальня, и выстрелил вслед. Пуля рикошетом отскочила от каменного пола. Чувствуя, как быстро наваливается слабость, он выстрелил второй раз, но беглец уже скрылся из виду. Снайпер слышал, как убегает враг. Слабея, он опустился на колени, в его груди тяжело стучало сердце.

Он несколько раз глубоко вздохнул.

Sonnekцnige не чета обычным людям.

Снайпер медленно поднялся.

Он должен закончить порученное дело.

Ради этого он и появился на свет.

Его долг – служить.

Пейнтер захлопнул крышку люка.

¹⁶ Дерьмо (нем.).

– Помогите мне. – Разминая ногу, скованную болью, он указал на штабель ящиков у стены. – Нужно забаррикадировать люк.

Затем потянул на себя тяжелый верхний ящик, и тот с металлическим грохотом упал на пол. Пейнтер не знал, что находилось в ящиках, чувствовал только их неподъемную тяжесть.

Ящик удалось взгромоздить на крышку люка. Лиза сражалась со вторым. Вместе они сумели завалить люк.

– Еще один, – решил Пейнтер.

Лиза критически осмотрела кучу тяжелых ящиков:

– Такую тяжесть не сдвинет никто.

– Еще один, – настаивал Пейнтер, тяжело дыша и морщась от боли в ноге. – Поверьте, это необходимо.

Они вдвоем с трудом водрузили последний ящик сверху.

– Лекарство отключит его на несколько часов, – сообщила Лиза.

В ответ прозвучал выстрел. Пуля, выпущенная из винтовки, пробила заставленную ящиками крышку люка и вонзилась в стропило.

– Боюсь, что не могу с вами согласиться.

Пейнтер потянул Лизу за руку, чтобы увести подальше от люка.

– Вы ввели ему полную дозу мидазолама?

– Разумеется.

– Почему же тогда...

– Не знаю. Какая теперь разница.

Пейнтер подвел Лизу к выходу из сарая. Осмотревшись и не заметив других стрелков, они выскользнули наружу. Монастырь превратился в догорающие, дымящиеся руины. Над пепелищем собирались свинцовые тучи.

– Таски сказал правду, – пробормотала Лиза, натягивая капюшон парки.

– Кто?

– Наш проводник-шерп предупреждал, что сегодня начнется снежная буря.

Пейнтер задумчиво взглянул на поднимавшиеся к тучам языки пламени. С неба повалили тяжелые хлопья снега, смешанные с черным дождем из пепла. Огонь и снег – подходящий могильный памятник монастырским затворникам.

Воспоминание о людях, приютивших его в монастыре, а теперь мертвых, вызвало у Пейнтера приступ черного гнева. Кто мог расправиться с ними со столь нечеловеческим хладнокровием?

Пока еще нет ответа на вопрос «кто», зато известно «почему». Причина в загадочной болезни. Что-то вышло из-под контроля, и убийца пришел, чтобы скрыть последствия.

Новый взрыв прервал раздумья. Вихрь пламени сорвал с петель дверь сарая. Через двор пролетела крышка одного из ящиков. Пейнтер схватил Лизу за руку.

– Он что, взорвал сам себя?

Пораженная Лиза не могла оторвать взгляда от сарая.

– Нет, только дверь люка. Боюсь, огонь не задержит его надолго.

Пейнтер побежал к воротам скотного двора через покрытый ледяной коркой выгул, огибая застывшие трупы коз и овец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.